

ИСТОРИЯ РОССИИ ДЛЯ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

УЧЕБНИК ДЛЯ СПО

Под редакцией **М. Н. Зуева, А. А. Чернобаева**

4-е издание, переработанное и дополненное

Рекомендовано Учебно-методическим отделом среднего профессионального образования в качестве учебника для студентов образовательных учреждений среднего профессионального образования

**Книга доступна в электронной библиотеке biblio-online.ru,
а также в мобильном приложении «Юрайт.Библиотека»**

Москва ■ Юрайт ■ 2019

УДК 94(075.32)
ББК 63.3(2)я723
И90

Авторы:

Чернобаев А. А. (руководитель авторского коллектива; предисловие, введение; гл. 10 — совместно с М. Н. Зуевым; заключение, приложения); **Бондаренко А. Ф.** (гл. 4, 5 — совместно с А. А. Преображенским); **Горелов И. Е.** (гл. 9); Зуев М. Н. (гл. 10 — совместно с А. А. Чернобаевым; гл. 11—15); **Комиссаренко А. И.** (гл. 6); **Краснова Л. И.** (гл. 7, 8 — совместно с М. И. Смирновой); **Курукин И. В.** (гл. 1—3); **Лавренов С. Я.** (гл. 16); **Преображенский А. А.** (гл. 4, 5 — совместно с А. Ф. Бондаренко); **Смирнова М. И.** (гл. 7, 8 — совместно с Л. И. Красновой).

Рецензенты:

Михеенков В. П. — доктор исторических наук, профессор;
Уткин А. И. — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Института переподготовки и повышения квалификации Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

И90 **История России для технических специальностей** : учебник для СПО / под ред. М. Н. Зуева, А. А. Чернобаева. — 4-е изд., пер. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2019. — 531 с. — (Серия : Профессиональное образование).

ISBN 978-5-534-10532-2

В учебнике в сжатой форме излагаются основные события и проблемы истории России с древнейших времен до наших дней. Книга содержит необходимый объем систематизированных знаний по отечественной истории, расширяет базовые представления студентов, полученные ими в средней общеобразовательной школе, о характерных особенностях исторического пути, пройденного Российским государством и населяющими его народами.

Издание содержит приложения: краткие сведения о выдающихся отечественных историках XVIII–XX вв.; сведения о правителях и руководителях России с древности до наших дней; хронологическую таблицу, в которой приведены даты важнейших событий российской истории.

Соответствует актуальным требованиям Федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования и профессиональным требованиям.

Для студентов образовательных учреждений среднего профессионального образования технических специальностей.

УДК 94(075.32)
ББК 63.3(2)я723

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав. Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая компания «Дельфи».

ISBN 978-5-534-10532-2

© Коллектив авторов, 2012
© ООО «Издательство Юрайт», 2019

Оглавление

Предисловие	5
Введение.....	7
Глава 1. Древнерусское государство.....	12
Глава 2. Русь удельная: русские земли в середине XII – середине XIII вв.	36
Глава 3. Создание Московского государства в XIV – начале XVI в.	62
Глава 4. Российское государство в XVI столетии.....	86
Глава 5. Россия в XVII столетии	109
Глава 6. Российская империя в XVIII в.	136
Глава 7. Российская империя в первой половине XIX в.	173
Глава 8. Российская империя в период реформ и контрреформ (вторая половина XIX в.).....	210
Глава 9. Россия на рубеже XIX–XX вв.	251
Глава 10. Россия в эпоху войн и революций 1914–1920 гг.	275
Глава 11. Советская Россия в годы новой экономической политики и форсированного строительства «государственного социализма»(1921–1941 гг.)	316
Глава 12. Великая Отечественная война советского народа 1941–1945 гг.	358
Глава 13. Советский Союз в 1945–1985 гг.....	376
Глава 14. Советский Союз в эпоху политики «перестройки» и «нового мышления». Распад СССР и его последствия. 1985–1991 гг.	426
Глава 15. Российская Федерация в 1992–1999 гг.	443
Глава 16. Российская Федерация в новом тысячелетии (2000–2011 гг.)	469
Заключение	503

Приложения.....	505
<i>Историки России XVIII–XX вв.....</i>	505
<i>Хронология</i>	513
<i>Правители и руководители Российского государства</i>	520
<i>Иерархи Русской Православной Церкви</i>	523
Библиография.....	526

Предисловие

В учебнике с учетом современного уровня развития исторической науки в сжатой форме излагаются основные события и проблемы истории России с древнейших времен до наших дней. Данный учебный курс по отечественной истории предназначен в первую очередь для студентов образовательных учреждений среднего профессионального образования негуманитарного профиля, главным образом для учащихся естественнонаучных и технических специальностей, а также соответствующих факультетов университетов, на которых в рамках общемировоззренческой и гуманитарной подготовки на изучение курса «История России» отводится всего лишь один семестр.

Материал учебника соответствует основным положениям Государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования и программам преподавания курса «История России» для технических и естественных специальностей.

Свою главную задачу авторский коллектив видел прежде всего в том, чтобы дать студентам необходимый объем систематизированных знаний по отечественной истории, расширить базовые представления, полученные ими в средней общеобразовательной школе, о характерных особенностях исторического пути, пройденного Российским государством и населяющими его народами, выявить место и роль нашей страны в истории мировых цивилизаций. Эта задача и обусловила структуру данного учебника.

Освещая основные проблемы государственно-политического и социально-экономического развития, а также узловые проблемы внешней политики, науки и культуры, авторы учебника — известные ученые-историки нашей страны, имеющие богатейший опыт преподавания в российских вузах, — опираясь на широкую источниковую базу, подвергли пересмотру ряд оценок событий и личностей в соответствии с новейшими исследованиями отечественной и зарубежной историографии.

Издание содержит библиографию, включающую учебники, учебные пособия, монографические исследования, хрестоматии, крупные документальные публикации, мемуары и сборники статей; сведения о правителях и руководителях России с древности до наших дней; хронологическую таблицу, в которой приведены даты важнейших событий российской истории. Все даты до 1 февраля 1918 г. даны по старому (юлианскому) стилю (при необходимости даты приводятся как по юлианскому, так и григорианскому календарю).

Первое издание учебника вышло в свет в 2000 г. В следующем году книга заняла первое место во Всероссийском конкурсе учебников, проведенном Министерством образования РФ по циклу «Общегуманитарные

и социально-экономические дисциплины» для технических направлений и специальностей.

В соответствии с пожеланиями, высказанными в отзывах на книгу, в ее второе издание (2004 г.) во все главы введены разделы о культуре России, а приложения дополнены краткими сведениями о выдающихся отечественных историках XVIII—XX вв.

В третьем издании (2007 г.) была переработана последняя, 16-я глава книги, в которой изложение материала доведено до 2006 г.

В четвертом издании (2012 г.) объединены главы 10 и 11, а глава 16 разделена на две — Российская Федерация в 1992—1999 гг. и с 2000 г. вплоть до современности; внесены отдельные дополнения и уточнения в другие главы, а также значительно обновлена библиография.

В результате изучения дисциплины «История России» студент должен освоить:

трудовые действия

- владения терминологией исторической науки;
- основной лексикой исторических источников по отечественной истории;
- навыками анализа причинно-следственных связей между событиями и явлениями истории;
- навыками использования справочной литературы по отечественной истории;

необходимые умения

- пользоваться научной и учебной литературой по истории;
- раскрывать смысл и значение важнейших исторических понятий;
- давать оценку историческим событиям и обосновывать свою точку зрения;
- использовать компьютерную технику в режиме пользователя для поиска и анализа материалов по истории;

необходимые знания

- основных исторических фактов, явлений, процессов отечественной истории;
- периодизации и важнейших фактов истории России;
- выдающихся исторических деятелей и их вклада в развитие России;
- основных памятников отечественной культуры.

Авторы выражают признательность рецензентам — коллективу кафедры истории Института переподготовки и повышения квалификации МГУ им. М. В. Ломоносова и доктору исторических наук В. П. Михеенкову за полезные рекомендации, пожелания, а также ценные замечания, которые были учтены при подготовке учебника.

*Руководитель авторского коллектива,
доктор исторических наук, профессор А. А. Чернобаев*

Введение

История (от древнегреч. *historia*) означает повествование, рассказ о прошедшем, узнанном, исследованном. Интерес к истории, исстари существовавший у всех народов, объясняется потребностью человека знать прошлое своей семьи, рода, страны, человечества. Без знания истории невозможно понять настоящее и предвидеть будущее. Великий русский историк В. О. Ключевский писал: «Без знания истории мы должны признать себя случайностями, не знающими, как и зачем мы пришли в мир, как и для чего мы живем, как и к чему должны стремиться, механическими куклами, которые не рождаются, а делаются, не умирают по законам природы, жизни, а ломаются по чьему-то детскому капризу».

Изучение курса «История России» в высшей школе определяется важными *социальными функциями истории как науки*. Наиболее существенные из них: познавательная, или интеллектуально развивающая; воспитательная; политическая, или практически-политическая; мировоззренческая.

Познавательная функция состоит в самом изучении различных сторон, явлений, фактов и событий зарождения и функционирования Российского государства на различных этапах его истории в хронологических рамках с древнейших времен по начало третьего тысячелетия нашей эры включительно. Лишь познав историю своей страны, можно понять ее место и роль во всемирной истории.

Воспитательная функция изучения прошлого выражена в афоризме древних: «История — наставница жизни». На исторических примерах люди воспитываются в уважении к добру и справедливости, свободе и равенству, другим непреходящим человеческим ценностям. Знание истории своего Отечества формирует высокие моральные, нравственные и гражданские качества и в то же время помогает разобраться в пороках общества, их влиянии на судьбы стран и народов.

Политическая функция истории позволяет определить тенденции развития российского общества и государства, на основе теоретического осмысления опыта предшествующих поколений помогает вырабатывать обоснованный политический курс, принимать правильные, оптимальные решения политического характера.

Мировоззренческая функция истории определяется тем, что ее фактологическая сторона является фундаментом, на котором строится наука об обществе. Знание прошлого вооружает людей пониманием исторической перспективы, формирует подлинно научный взгляд на мир, общество, законы его развития.

История России — неотъемлемая часть мировой истории. Авторы учебника стремились показать, как в рамках общемировых закономерностей

развивались российское общество и государство, какое влияние на эти процессы оказывали природа и климат евразийского геополитического пространства, соотношение размеров ее территории и заселенности, многонациональный и многоконфессиональный состав населения, внешние факторы и т.д.

В основу изложения материала положены общие *методологические принципы исторического познания* (важнейшие из них — принципы объективности и историзма), а также конкретные методы исторического исследования.

Принцип объективности обязывает выявлять закономерности, определяющие процессы экономического, социально-политического и культурного развития, рассматривать историческую реальность во всей ее многогранности и противоречивости, независимо от нашего отношения к излагаемым фактам и событиям, не искажая и не подгоняя их под заранее заданные схемы и концепции.

Принцип историзма предполагает изучение прошлого с учетом конкретно-исторической обстановки соответствующей эпохи, во взаимосвязи и взаимообусловленности событий, с точки зрения того, как, в силу каких причин, где и когда возникло то или иное явление, какой путь оно прошло, какие оценки давались ему на том или ином этапе развития.

К конкретным *методам исторического исследования* относятся общенаучные, собственно исторические и специальные (заимствованные у других наук). Среди них — логический, синхронно-хронологический, ретроспективный, структурно-системный, математического анализа, социологический и др. Применение этих методов позволяет глубже и достовернее реконструировать картину прошлого, воспроизводить процесс исторического развития с его общими, особенными и индивидуальными чертами, систематизировать исторические знания.

Кроме того, необходимо учитывать, что современная историческая наука органически связана с такими специальными историческими науками, как археология, палеография, геральдика, сфрагистика, нумизматика, историческая география и демография и т.д. Исторические разделы включают в себя все другие науки и виды искусства. Их развитие делает совокупное историческое знание более полным и объективным.

Преобразование исторических знаний в многоотраслевую полноценную науку о прошлом происходило постепенно, на протяжении длительного времени. Важным этапом стал период Античности. «Отцом истории» принято считать греческого ученого Геродота, жившего в V в. до н.э. В его «Истории» дано яркое описание многих событий того времени, особенно греко-персидских войн. Во введении к своему бессмертному сочинению автор подчеркивал: «Это есть изложение исследования Геродота Галикарнасца, для того чтобы от времени не изгладилось в памяти все, что совершено людьми, а также чтобы не заглохла слава о великих и достойных удивления деяниях, совершенных частью эллинами, частью варварами, что касается как всего остального, так и причины, по которой между ними возникла война». Из этих слов видно, что Геродот, представлявший человеческую историю как развертывающийся во времени и пространстве процесс,

в ходе которого меняются судьбы людей и государств, был близок к подлинному историзму в восприятии событий и фактов.

Дальнейшее развитие историческая наука получила в эпоху Средневековья. Человеку той поры история представлялась самостоятельным процессом, который приобретает смысл лишь при рассмотрении в плане вечности и осуществления Божественного замысла, Божественного провидения (отсюда — провиденциализм, составляющий суть средневекового мировоззрения). Основателем христианской историографии считается римский церковный писатель Евсевий Памфил, епископ Кесарии с 311 г.

Подлинный переворот в духовной жизни общества происходит в эпоху Возрождения, когда в центр мироздания был поставлен человек. От латинского *homo* (человек) и *studia humana* (светские науки) новое мировоззрение получило наименование «гуманизм». Важнейшим достижением историков-гуманистов (самый знаменитый из них — итальянец Никколо Макиавелли) стало возвращение принципам античного прагматизма, рассмотрение и оценка прошлого с точки зрения земных, а не небесных интересов.

Мыслители эпохи Возрождения заложили основы европейской исторической науки Нового времени. В XVII в. она развивалась под сильным влиянием идей рационализма (от лат. *rationalis* — «разумный») — философского направления, признающего разум (*ratio*) основой познания и поведения людей, естественного права и общественного договора. В следующем столетии, в век Просвещения, происходит расширение тематики исторических трудов, ученые отказываются от средневековых теорий избранных народов, от европоцентризма. Историки-просветители (Вольтер, Д. Дидро, Э. Гиббон, Д. Юм, И. Гердер) настойчиво искали причины происходивших событий. Крупным достижением того времени стала идея закономерности и прогресса в общественной жизни.

Современная историческая наука, включающая в себя множество школ и направлений, отдельных разделов и отраслей (археология, источниковедение, историография и т.д.), сформировалась в XIX—XX вв. Решающее влияние на выработку методологии истории оказали гегельянство, позитивизм, марксизм, неокантианство и другие философско-исторические учения. Так, сторонники марксизма, на основе признания первичности материальной жизни общества — общественного бытия по отношению к общественному сознанию, представляли исторический процесс как прогрессивное движение и смену общественно-экономических формаций: первобытно-общинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической, коммунистической; движущей силой развития антагонистического общества признавалась классовая борьба. Трактовавкам истории как закономерного объективного процесса, поддающегося систематизации и обобщению, противостоят взгляды, подчеркивающие роль субъективных факторов, оказывающих решающее влияние на развитие истории; при этом ставится под сомнение сама возможность научного познания прошлого. В настоящее время широкое признание получила школа «Анналов» (это название произошло от французского журнала «Анналы: экономика — общество — цивилизация», основанного в 1929 г. М. Блоком и Л. Февром). Многие

исследователи обращаются к опыту социальной истории (это направление наиболее развито в США), компаративизму, изучению истории цивилизаций.

Сложный и долгий путь развития характерен для исторической науки любой страны, в том числе и России. Важным этапом в переходе от летописания и других традиционных для Древней Руси форм историографии к историческому исследованию является последняя четверть XVII в. Именно тогда появились работы, основанные на критике источников и рациональном изучении причинно-следственных связей событий в рамках авторских концепций. Наиболее яркие из них — «Созерцание краткое» и «Известие истинное» Сильвестра Медведева, «Генеалогия» Игнатия Римского-Корсакова, «Скифская история» Андрея Лызлова. Эти работы заложили фундамент отечественной исторической науки, которая вскоре, в XVIII столетии, достигла значительных успехов. Среди выдающихся ученых того времени — «отец русской историографии» В. Н. Татищев, Г. Ф. Миллер, М. М. Щербатов, И. Н. Болтин, А. Л. Шлецер.

Навсегда вошли в сокровищницу науки и культуры России труды корифеев исторической мысли XIX в. (Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского); историков-концептуалистов, создавших оригинальные построения истории нашей страны (Н. А. Полевого, Н. И. Костомарова, П. Н. Милюкова); ученых, заложивших основы отечественной археографии, источниковедения и историографии (М. Т. Каченовского, П. М. Строева, К. Н. Бестужева-Рюмина); исследователей, разрабатывавших конкретные проблемы российской истории (И. Е. Забелина, В. И. Семевского, Н. П. Павлова-Сильванского).

Большой вклад в развитие отечественной исторической науки внесли ученые XX столетия. При этом они придерживались различных схем и построений в изучении прошлого. А. С. Лаппо-Данилевский, например, следовал неокантианской теории исторического познания, Н. И. Кареев изучал ее позитивистско-плюралистическую версию, а Г. Г. Шпет — феноменологическую. Новые теоретико-философские и логические подходы к пониманию смысла и хода истории сосуществовали с эмпирическими исследованиями, научное значение которых сохранилось до наших дней (труды С. Ф. Платонова, А. А. Кизеветтера, М. М. Богословского). С марксистских позиций рассматривали движущие силы исторического процесса Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, Н. А. Рожков, М. Н. Покровский.

После Октябрьской революции марксистская идеология и методология становятся господствующими в Советской России. В годы сталинской диктатуры многообразие в подходах к историческим явлениям и процессам сменяется их единым толкованием. Репрессии, обрушившиеся на историков, догматическое следование «марксистско-ленинской теории» в сталинской интерпретации, ограничение контактов с зарубежными исследователями — все это нанесло огромный урон российской исторической науке. Тем не менее советские ученые — Н. М. Дружинин, П. А. Зайончковский, А. А. Зимин, А. А. Новосельский, В. Т. Пашуто, Е. В. Тарле, М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин и многие другие, продолжая и развивая традиции дореволюционной историографии, создали немало превосходных истори-

ческих трудов. Весомый вклад в науку XX столетия внесли историки русского зарубежья (Г. В. Вернадский, А. В. Карташев, Б. И. Николаевский и др.).

Значительный шаг вперед в изучении прошлого нашего Отечества сделан в конце XX — начале XXI в. Современные историки России освоили и применяют в своих трудах практически все новейшие методы исследований, опираются на знания, накопленные в дореволюционной, советской, российской эмигрантской и зарубежной историографии. Наряду с формационным подходом к объяснению исторического процесса, которого по-прежнему придерживается ряд ученых, широкое распространение получили цивилизационный и модернизационный. Расширение круга доступных для ученых архивных источников, многие из которых ранее были засекречены, позволило переосмыслить представления о прошлом.

Существенные изменения произошли в проблематике издаваемых трудов. Становление новой российской государственности активизировало разработку истории органов управления и самоуправления. Одной из ведущих проблем, которая проходит через всю отечественную историю, является проблема власти. Анализируются ее история, механизмы и технологии. Изучается весь спектр идеологических течений в России: консервативных, либеральных, социалистических и леворадикальных. Весьма распространенной стала литература, посвященная роли личности в истории. Серьезные изменения произошли в исследовании истории Русской православной церкви, межнациональных отношений, в изучении истории предпринимательства и т.д. Это позволяет по-новому подойти к освещению многих проблем истории России.

Глава 1

ДРЕВНЕРУССКОЕ ГОСУДАРСТВО

Предыстория Руси. «Откуда Русская земля стала есть?» — этот вопрос, заданный древнерусским летописцем еще в XII в., до сих пор не получил однозначного ответа как в учебной, так и в научной литературе. Это неизбежно приводит к появлению различных гипотез в поиске прародины и прародителей славян среди племен, населявших в древности территорию Восточной и Южной Европы.

Согласно наиболее распространенному и признанному в науке мнению выделение человека из животного мира началось в Восточной Африке более 2 млн лет назад. Примерно 1,5 млн лет назад древнейшие люди разными путями пришли из Африки в Европу; на территории нашей страны самые древние стоянки первобытных людей (800—500 тыс. лет) обнаружены на Алтае и в Якутии. Тогда для первобытных охотников и собирателей от Атлантического океана до Урала природные условия были примерно одинаковыми. В результате серьезных климатических изменений, происходивших с X тыс. до н.э., — последнее великое оледенение и его отступление — сформировались современные почвенно-климатические зоны: обширные леса и болота отделили одни группы людей от других, населявших и тундру на севере, и степи на юге. Эти природные трансформации заставили людей объединяться в коллективы для загонной охоты на мамонтов и мускусных быков, добывать и поддерживать огонь, строить наземные жилища, изобрести первое грозное оружие — лук и стрелы.

Постепенно от собирательства и охоты перешли к производящим формам хозяйства — земледелию и скотоводству. Так началась *неолитическая революция*, в процессе которой человек стал вести оседлый образ жизни, научился изготавливать глиняную посуду, овладел новыми техническими приемами (шлифовка, сверление) и всеми известными в настоящее время приемами охоты и рыбной ловли. Именно в эту эпоху люди научились выплавлять *металл* (древнейшие в Европе медные изделия появились на Балканах в V тыс. до н.э.) и приручили *лошадь* — в степях между Днестром и Доном найдены древнейшие кости домашней лошади и части узда, относящиеся к IV тыс. до н.э. Этот технический рывок дал человеку власть над природой, ликвидировал постоянную угрозу голода и вызвал настоящий демографический взрыв: к концу эпохи неолита население увеличилось по крайней мере в 10 раз.

В IV—III тыс. до н.э. на территории Восточной и Центральной Европы складываются археологические культуры «бронзового века»¹ — *триполь-*

¹ Археологическая *культура*, или *культурно-историческая общность*, — это комплекс исследованных памятников на определенной территории, в границах которой ее древние ☞

ская, воронковидных кубков, майкопская. Обитатели этой территории умели делать бронзовые (из сплава меди с оловом) орудия и украшения, выращивали пшеницу, овес, лен, горох, виноград, строили громадные погребальные курганы и укрепленные центры-городища. Однако из-за роста населения пригодные для использования ресурсы стали иссякать, что привело к упадку богатых земледельческих культур Южной Европы. Длительное похолодание и засуха на рубеже III тыс. до н.э. привели к повышению роли скотоводства, а овладение верховой ездой позволило начать освоение огромных степных просторов от Монголии до Дуная. Занятие скотоводством, в свою очередь, требовало новых территорий (только одной овце для прокорма нужно 9 га пастбища) — именно тогда возникли первые цивилизации кочевников. В III тыс. до н.э. началось первое «великое переселение народов»: на восток из бассейна Одера распространялась культура *шаровидных амфор*; южнее, в степной полосе, с востока на запад продвигались племена *ямной* культурно-исторической общности и культуры *колоколковидных кубков*; в лесной полосе Восточной Европы осваивали новые земли носители культуры *боевых топоров*, которым принадлежали первые известные в Европе колесные повозки, запрягавшиеся быками.

Происхождение и расселение восточных славян. Славяне входят в индоевропейскую языковую группу, как было установлено еще в XIX в. на основании целого ряда общих черт в языках народов, отделенных сегодня друг от друга тысячами километров, но когда-то имевших единых предков. Археологические находки позволяют установить время, когда индоевропейская общность стала распадаться, — приблизительно на рубеже IV—III тыс. до н.э. Археологически Западная и Восточная Европа изучены неплохо, но откуда начали движение индоевропейские племена и с какими известными археологическими культурами в Европе III тыс. до н.э. (*ямной, боевых топоров, воронковидных кубков*) можно их отождествить, — все это вызывает споры в науке: некоторые ученые, основываясь на совпадающих корнях в родственных языках, считают, что прародиной индоевропейцев были южнорусские степи; другие отводят ей место на Балканах, третьи — в Малой Азии. Сложившаяся к XII в. до н.э. на территории современной Европы от Франции до Украины культурно-историческая общность (группа близких по типу культур) *полей погребений*, или *полей погребальных урн*, стала основой для формирования в будущем таких европейских народов, как кельты, германцы, италики, латыши, литовцы и славяне и др. Причем последние три народности примерно до середины I тыс. до н.э. представляли собой единую балто-славянскую общность. Можно выделить и другой рубеж — V—VI вв. н.э., когда между Одером и Днестром, на территории нынешних Польши, Чехии, Белоруссии, Украины, России, появляются несколько археологических культур (*пражская, пеньковская, «длинных курганов»* и т.д.), которые безусловно считаются славянскими. Тогда же славяне как особая этническая группа начинают упоминаться в письменных источниках — у готского историка VI в. Иордана и византийских писателей.

☞ обитатели изготавливали и пользовались однотипными орудиями труда, керамикой; строили одинаковые по устройству жилища, сохраняли единый погребальный обряд и т.д.

Этногенез славян между X в. до н.э. и VI в. н.э. — масштабные перемещения различных племен и народов, расцвет и упадок целых культур — остается пока слабо изученным. Так, не совсем понятно, какие народы античные авторы I—IV вв. подразумевают, говоря об *антах* и *венетах*. Одни историки полагают, что о предках славян — *скифах-пахарях*, или *сколотах*, — писал еще знаменитый древнегреческий историк Геродот в V в. до н.э.; к праславянским по своему происхождению относят *зарубинецкую* (I в. до н.э. — II в. н.э.) и *черняховскую* (II—IV вв.) археологические культуры в Среднем Поднепровье. Оседлые земледельческие племена сколотов в середине I тыс. до н.э. входили в могущественное этнополитическое объединение — Скифское царство и вместе с другими народами вступали в контакты с античным миром Северного Причерноморья.

Здесь с VI в. до н.э. в процессе великой греческой колонизации стали появляться небольшие поселения, многие из которых превратились затем в процветающие города-полисы Ольвию, Херсонес (Севастополь), Феодосию, Горгиппию (Анапу), Диоскурию (Сухуми), Фасис (Поти) или мощные греко-варварские государства — Боспорское царство со столицей в Пантикапее (Керчь). Расцвет античных центров Причерноморья был обусловлен их многоотраслевой экономикой и налаженными торговыми связями. С берегов Черного и Азовского морей в Афины и другие города Греции вывозились зерно, рыба, рабы. В обмен поселенцы и варварская периферия получали вино, оливковое масло, цветные металлы, посуду и украшения¹. Затем наступили трудные времена, когда античные города-государства испытывали натиск варваров. Скифов в причерноморских степях сменили воинственные *сарматы*; во II—III вв. с южных берегов Балтийского на северный берег Черного моря переселились *готы*. До начала III в. Крым оставался крайним северо-восточным форпостом Римской империи: ее воины охраняли Херсонес, а военные корабли стояли на базе-крепости Харакс (под Алушкой). В IV в. мощный поток варварских вторжений привел Западную Римскую империю к гибели. Сложившийся в Центральной Азии обширный гуннский союз кочевых племен в 370 г. переправился через Волгу, разгромил причерноморские центры, нанес поражение сарматам и готам и вытеснил их вместе с представителями черняховской археологической культуры и другими народами на запад.

Другие ученые указывают на резкий разрыв между культурными традициями богатой *черняховской* культуры (с гончарной керамикой, использованием стекла, римскими монетами и украшениями, что говорит об устойчивых экономических связях этой культуры с Римом) и более бедными славянскими памятниками VI в. и полагают, что процесс славянского этногенеза проходил севернее, на территории современных Польши и Белоруссии в границах культуры *подкляшевых погребений* (IV—I вв. до н.э.) и *пшеворской* культуры (II—V вв. н.э.). На западе праславянские племена контактировали с *кельтами* и переняли от них производство кольчуг, замков с ключами, пил, напильников; а от *германцев* в язык славян попали такие слова, как «меч» и «шлем».

¹ Сделанные в греческих мастерских драгоценные предметы для скифской знати ныне украшают сокровищницы Эрмитажа и других музеев.

В поисках прародины славян современные археологи от культур раннего Средневековья продвигаются в глубь времен. Основной проблемой является соотнесение данной археологической культуры с конкретным этносом. Как быть, если при смене таких культур на одной и той же территории происходят резкие изменения в уровне жизни, технологии производства, погребальном обряде — могут ли эти изменения происходить в рамках одной этнической общности? Тем более что и черняховская, и пшеворская культуры были полиэтническими: вместе с предками славян туда входили другие народы — германцы, сарматы, фракийцы. Решение задачи усложняется тем, что в лесостепной полосе в то время проходили миграции и столкновения различных земледельческих и кочевых племен.

В эпоху крушения античного мира миграционные процессы захватывали и какую-то часть древнеславянского этноса: в 448 г. византийский посол слышал в ставке могущественного вождя гуннов Атилы славянскую речь и записал, что его подданные сажают просо и пьют «медос», а при погребении устраивают погребальный пир — «струву».

В VI в. славяне уже самостоятельно выходят на международную арену. С середины столетия они систематически вторгаются за Дунай в пределы Восточной Римской империи (Византии), осаждают и грабят Константинополь, Фессалоники и Афины; совершают морские экспедиции на Крит и в Южную Италию. Византийский хронист Иоанн Эфесский в конце VI в. подвел итог этим вторжениям «проклятого народа склавинов»: «Они стремительно прошли всю Элладу, области Фессалоники и всей Фракии и покорили многие города и крепости. Они опустошили и сожгли их, взяли пленных и стали господами на земле». На территории империи появились даже независимые славянские племенные княжения — славинии; но к IX в. произошла эллинизация поселенцев, быстро усвоивших технологию, язык и религию своей новой родины. Только на окраинах Византийской империи возникают самостоятельные южнославянские государства — Болгария (VII в.), Хорватия (X в.), Сербия (XI в.).

Условия формирования и развития восточнославянского общества.

Иной оказалась судьба восточнославянских племен. В VI в. они начали длительный путь освоения огромных и слабозаселенных территорий Восточно-Европейской равнины, растянувшийся на столетия. Эта характерная черта нашего прошлого позволила знаменитому историку С. М. Соловьеву определить Россию как страну, которая колонизируется. Многовековой процесс колонизации привел к складыванию огромной многонациональной России с колоссальными запасами природных ресурсов, но он же в небольшой степени способствовал преобладанию экстенсивного типа развития экономики, что в конце XX в. стало одной из серьезных проблем на пути ее преобразования и модернизации.

Важным и долговременным фактором исторического развития восточных славян стало неизбежное — в силу географических условий — соседство мира оседлых земледельцев и горожан с миром кочевых племен. С глубокой древности полоса степей, протянувшихся от Алтайских гор до Дуная, представляла собой дорогу для кочевых народов, волна за волной двигавшихся из глубин Центральной Азии с востока на запад.

Гуннское нашествие эпохи Великого переселения народов было остановлено римскими легионами на территории современной Франции в сражении на Каталаунских полях в 451 г. В результате гунны покинули занятую ими Паннонию и после смерти своего вождя Атиллы в 453 г. исчезли со страниц письменных памятников. Многочисленные народы, скрытые ранее под общим названием «гунны», начали развиваться в самостоятельные политические объединения, и их имена появились в византийских и закавказских исторических хрониках и в нашей «Повести временных лет». Она сохранила известия о «примучивании» славянских племен обрами — *аварской ордой*, а в 626 г. аварское войско (куда входили и славянские отряды) осаждало столицу Византии Константинополь. В конце VIII в. Аварский каганат пал под ударами армии короля франков Карла Великого, и древнерусский летописец, вспоминая об этом, счел нужным привести пословицу: «погибоша, аки обре».

В VI в. в *Великой степи* складывается громадный *Тюркский каганат*, с которым вынуждены были считаться крупнейшие государства того времени — Китай, Иран, Византия. После кровавой междоусобицы он рухнул, и на его развалинах стали возникать новые образования. В 30-х годах VII в. в приазовских степях появилась Великая Булгария кочевников-болгар; тогда же сложилась и Хазария. Под давлением хазар часть болгар откочевали за Дунай, где вместе с оседлым славянским населением положили начало современной Болгарии. Часть болгар ушли на север и обосновались в Поволжье — здесь до XIII в. ближайшим соседом северо-восточных русских земель стала Волжская Булгария.

В середине VII в. хозяевами южных степей оставались *хазары*. Им удалось создать огромное полиэтничное государство — *Хазарский каганат*, включавшее Восточный Крым, Северный Кавказ и степи между Волгой и Доном. Хазарская держава была не простым объединением кочевых и оседлых народов (хазар, болгар, мордвы, алан, славян). На местах существовала администрация — «тудуны» и «малики»; в больших городах (Фанагории, Беленджере, Самандаре, Атиле) располагались кварталы ремесленников и купцов — русов, мусульман и евреев; там же селилась и хазарская знать, на лето откочевывавшая в степь. Хазарские власти контролировали торговые пути по Волге и Дону; при дворе верховного хазарского владыки — хакана состояли мусульманская гвардия и особая коллегия из семи судей для решения дел подданных согласно их вере и закону. В союзе с Византией Хазария воевала с Арабским халифатом и по-своему решила вопрос выбора веры: в IX в. хакан и знать приняли иудаизм. В итоге хазарам так и не удалось создать прочное государство: у каганата не было единого законодательства, культуры и письменности; но в период своего расцвета эта держава сумела подчинить ряд славянских племен (северян, вятичей, радимичей, полян) и взимала с них дань. Однако уже в 30-х годах IX в. византийские мастера выстроили в низовьях Дона — северо-восточной границы каганата — город-крепость Саркел и ряд других пунктов обороны от наступления племенных славянских союзов. Свидетельством взаимовлияния славян и хазар осталась археологическая *салтово-маяцкая* культура. Из тюркского языка заимствован термин «боярин», титул кагана

носили в X—XI вв. киевские князья. Таким образом, взаимоотношения восточнославянских племен со степняками-кочевниками явились важным фактором генезиса древнерусской государственности.

Важным условием можно считать развитие раннесредневекового общества и государства на Востоке Европы (примерные границы — Рейн и Дунай) по *бессинтезному* пути, т.е. непосредственно из варварских, первобытных племенных структур и отношений при отсутствии на первых его этапах развитых городов и торговли. Здесь долгое время основной массой населения оставались свободные крестьяне-общинники, которые подвергались государственной форме эксплуатации в виде дани-налога на содержание князя и дружины.

На Западе этот же процесс протекал в условиях *синтеза*. Образовавшиеся на территории бывшей Римской империи варварские королевства усваивали достижения и традиции предшествующей античной цивилизации. К ним можно отнести систему путей сообщений, развитые формы землевладения, денежное обращение, городские центры (такие средневековые города, как Кельн, Вена, Париж, Лондон, Марсель, возникли еще в античную эпоху). Сохранилась структура и собственность христианской церкви, вместе с варварскими законами — *правами* — действовало римское право. Несмотря на упадок была унаследована римская система образования: на протяжении многих столетий латынь оставалась языком науки и культуры Европы. Быстрое социальное расслоение варварского общества привело уже в VII—VIII в. к появлению частных владений — вотчин-сеньорий с зависимыми крестьянами и к складыванию вассально-ленных отношений с иерархией феодалов-землевладельцев, средоточием власти которых с X в. становятся господствующие над сельской округой замки сеньоров.

Социальная организация и занятия восточных славян. VI—IX вв. — время, когда в среде восточнославянских племен зарождаются сложные социально-экономические процессы, приведшие к качественному скачку в развитии особой славянской цивилизации: появлению городов, письменности, новой социальной структуры и государства.

Данные археологии, а затем и письменные (византийские и арабские) источники позволяют проследить основные этапы и направления этого процесса в развитии восточнославянского общества. К середине I тыс. н.э. *селища* славян-земледельцев представляли собой патриархально-семейные общины в 150—200 человек. Отдельные дома общинников концентрировались вокруг площади, где находились мастерские и общинные хранилища. Настоящей революцией стало открытие технологии выплавки и обработки железа (древнейшие известные в Центральной Европе железные изделия относятся к началу I тыс. до н.э.). Позднее появление железа обусловлено высокой температурой его плавления — около 1500°C, которой древние достигать не умели; поэтому в сыродутных печах-домницах восточнославянские умельцы получали сначала насыщенные железом пористые слитки-крицы, которые затем отковывали. Зато железо, в отличие от меди, встречалось гораздо чаще (в болотных рудах), и поскольку производительность железных орудий была намного выше каменных и бронзовых, это

давало возможность эффективнее вырубать леса и отвоевывать землю под пашню.

После потрясений эпохи Великого переселения народов славяне принесли в лесную зону новый хозяйственный уклад, основанный на пашенном земледелии и широком распространении ржи. Переход с VIII в. к трехпольной системе земледелия (включающей посев яровых, озимых и отдыхающий под паром клин) привел к выделению крестьянских семей, ведущих самостоятельное хозяйство в рамках *соседской* общины. Такая перестройка делала крестьянина более независимым и мобильным, давала возможность отдельным семьям и их группам выделиться и отправиться на освоение новых земель, что ускорило процессы колонизации славянами Восточно-Европейской равнины. Вся жизнь свободного общинника — *людина*¹ протекала в рамках общины. Памятник древнерусского законодательства — «Русская Правда» XI—XII вв. — говорит о том, что община — *вервь* (позднее она выступала в документах под названием «мир») объединяла своих членов круговой порукой. Каждый общинник имел право на надел пахотной земли, который можно было передать по наследству; угодья (выгоны, сенокосы, леса, воды) находились в общем и нераздельном пользовании всей общины.

По известным с XIV в. актам община выполняла важнейшие хозяйственные задачи: регулировала порядок пользования землей, разрешала споры из-за межей — границ наделных полос и занималась раскладкой повинностей между общинниками, т.е. определяла размер вклада каждого в выплатах землевладельцу (если располагалась на территории частных владений — *вотчин*), в расходах на общинные нужды. Решались эти вопросы на общем сходе. Сход избирал (обычно на год) общинные власти — старосту, сотских и десятских; организовывал общие работы, распределял и собирал подати, разбирал споры и ссоры. Такая форма социальной организации оказалась поразительно устойчивой к внешним воздействиям и весьма эффективным средством сохранения традиционного уклада жизни.

Распад родового общества у восточных славян связан и с появлением начиная с VIII в. первых *протогородов*, которыми становились и центры известных по летописи союзов племенных объединений или княжеских полян, северян, кривичей, словен (Киев, Чернигов, Псков, Изборск, Полоцк), и поселения торгово-ремесленного характера на оживленных торговых путях (Старая Ладога, Рюриково городище под Новгородом, Гнездово в 12 км от нынешнего Смоленска). Новым явлением стала концентрация в таких центрах ремесленных мастерских (кузнечных, ювелирных, косторезных, гончарных — с появлением в X в. гончарного круга — и др.), владельцев которых можно считать богатыми и уважаемыми людьми. Они владели дорогостоящим вооружением и участвовали в торговых операциях. К X в. такие центры превращаются в средневековые города с укрепленным *детинцем* или *кремлем* в центре, окруженным торгово-ремесленным *посадом*.

Византийский историк VI в. Прокопий Кесарийский, упоминая о вторжениях в империю славян-язычников, живших «в народоправстве», сообщал

¹ Термин «крестьяне» в современном смысле стал употребляться только в XVII в.

о выделении славянской знати — *рексов и архонтов* и о наличии у славян рабов. Прокопий и другие хронисты называют имена таких восточнославянских князей, как Мезамир, Хильвудий, Пирогаст, которые, переходя на службу, становились в Византии полководцами и администраторами. Вместе с князьями выделяются и профессиональные *воины-дружинники*, о чем говорят их захоронения IX—X вв. Ученый-географ и министр почт Арабского халифата ибн-Хордадбех рассказывал в своей «Книге путей и стран» (вторая половина IX в.), как из страны славян купцы «ар-Рус» привозили в Константинополь на кораблях или морским же путем на южный берег Каспия, а далее караванами в столицу халифата Багдад ценные меха и мечи. Ученый-энциклопедист начала X в. ибн-Рустэ знал о наличии у славян городов с искусными ремесленниками, знахарями-жрецами и о ежегодном сборе славянским князем («главой глав») дани с подданных «на свое содержание». По свидетельству еще одного арабского историка X в. аль-Истахри, на территории Восточно-Европейской равнины выделяются три центра *русов* во главе с «царями»: Куйяба (Киев), Славийа (новгородские словене) и загадочный город Арса (Артания). Появление таких политических образований свидетельствует о попытках государственного объединения восточнославянских союзов и племенных княжений. Таким образом, вторая половина I тыс. н.э. — это время, когда внутреннее развитие восточнославянских племен привело к появлению первых городов и торговли, усложнению социальной структуры общества, образованию межплеменных союзов и первых политических центров, стремившихся объединить эти племена.

Верования восточных славян. Древнерусское язычество — это сложная система появившихся в разные исторические эпохи мифологических и космологических представлений со своими магическими культами, сопровождавшими древних людей от рождения до смерти. Тысячелетние языческие верования в течение многих веков уживались с победившим христианством и в виде многочисленных пережитков дошли до нашего времени.

По сообщению «Слова об идолах» безымянного русского писателя XII в., древнейшие славянские культы представляли собой поклонение *упырям* (вампирам) и *берегиням* и, скорее всего, восходили ко временам каменного века с их представлениями о добрых и злых духах. От той же эпохи дошли в русских сказаниях и представления о «чудищах хоботистых» — мамонтах.

С переходом к земледелию появились разработанный и дошедший до нас аграрный календарь и культ земледельческих небесных божеств Рода и «рожаниц». Для периода VI—IX вв. уже характерна развитая система космологических представлений: Земля виделась славянам неподвижной, вокруг нее вращались планеты и звезды, а Солнце ночью проплывало по предполагаемому подземному океану. Земным миром ведала богиня плодородия Макошь; над ним существовали два неба — небесная твердь и «верхнее небо» с запасами дождевой воды; миром подземным управлял Ящер и связанный с культом предков бог Волос. Скульптура давно известного Збручского идола (где изображены все эти три сферы)

показывает, что славянам уже была известна идея монотеизма — объединения нескольких «ипостасей» богов в одном изображении, что подтверждает и византийский историк VI в. Прокопий: «Они (славяне) считают, что только один бог, творец молний, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды. Судьбы они не знают...» Почитая верховных божеств, славяне верили и в мир более близких им существ — леших, домовых, водяных, русалок.

К богам обращались при помощи магических заклинаний, а просьбы сопровождали соответствующими обрядами и жертвоприношениями. Образовался устойчивый календарь аграрных в своей основе языческих молений и празднеств, которые уже «в рамках» христианства дошли до наших дней. В новогодние святки проводились маскарады «ряженных» и гадания о предстоящем годе (девушки — о замужестве); ко дню весеннего солнцестояния была приурочена масленица с проводами зимы и приготовлением обрядовых блинов — символа солнца. Главным летним событием был день Купалы — древний общеславянский праздник *Русалий*, день летнего солнцеворота, когда надо было совершать моления о дожде, плодородии полей и разжигать костры по берегам рек с пением, плясками и «игрищами неподобными».

Помимо особых праздничных молений люди стремились всеми возможными мерами оградить себя и свой дом от воздействия чужих, враждебных сил — упырей-вампиров и мертвецов-*навий*. Для этого существовали особые заговоры и нанесение специальных знаков на жилище, утварь и одежду. Такими знаками служили изображения солнца и вспаханной земли под крышей русской избы, на наличниках окон, ковшах, прялках, вышитые фигуры языческих богинь на полотенцах, деревянные фигурки бородатых домовых-пращуров.

В эпоху славянского расселения и «предгосударственного» развития происходили изменения в русской погребальной обрядности: захоронение урн с прахом сожженного покойника в деревянных избушках-домовинах (что отразилось в известном сказочном сюжете об «избушке на курьих ножках») сменилось погребениями праха в курганах; затем происходит еще один, не вполне пока выясненный перелом в религиозном сознании — переход от сожжения к простому захоронению тела в кургане с разведением ритуальных костров. При этом по-прежнему покойникам клали в могилу посуду с едой и питьем; крестьянина сопровождал в иной мир нож, женщину — подвенечный убор, воина — оружие. Неотъемлемой частью древнего быта было и ежегодное поминовение умерших в родительские дни (радуница, родительская суббота), включенные затем в православный церковный обиход.

Возникли в VI—X вв. и крупные культовые центры — святилища. На обнаруженных археологами городищах (Богит и Звенигород на реке Збруч) находились специальные «*катища*» — вымощенные камнем площадки, где ставились идолы, совершались моления и приносились жертвы. В жертвенных ямах находят кости животных, зерно, обычные предметы обихода: стеклянные браслеты (круг — символ Солнца), металлические замки и ключи (символы сохранности), ножи, косы, стрелы (для защиты

от злых сил). Богатые люди отдавали золотые и серебряные украшения: височные кольца, колты, гривны. В особых случаях совершались человеческие жертвоприношения, в том числе и детей. Круглая форма таких капищ определила их название «*хоромы*» (от «хоро» — круг); позднее этим словом стали называть обширное деревянное жилое строение.

Рядом с капищами находились большие общественные постройки, где выпекался культовый хлеб и проходили ритуальные пиры-*братчины*. Руководили такими культовыми центрами языческие жрецы-*волхвы*, разрабатывавшие систему обрядов, тексты молений и их календарные сроки, знавшие лекарственные травы и организовывавшие многодневные общественные празднества. Авторитет волхвов в глазах народа признавала и церковь. По-видимому, именно это «языческое духовенство» придумало особую знаковую систему («*черты и резы*») для гаданий, составляло и хранило предания-«*кощунны*»; некоторые из них (например, знаменитые сказания о смерти князя Олега и о мести княгини Ольги) позднее вошли в первую русскую летопись.

Образование государства Русь. Для IX в. имеется ряд конкретных дат и событий, свидетельствующих о развитии древнерусской государственности, хотя следует отметить, что они указаны в летописях, создававшихся 200 с лишним лет спустя — в начале XII в.

Первая из них — 838/839 г., когда в столице империи франков при дворе сына Карла Великого Людовика появилось посольство от правителя (кагана) народа «рос», перед этим побывавшее уже в Константинополе. Под этим каганом можно предполагать неизвестного нам по имени правителя одного из первых славянских предгосударственных образований. С этими сведениями можно сопоставить и византийские известия о появлении войска «росов» под стенами Константинополя в 860 г.

Вторая дата — 862 г. — известна по «Повести временных лет», передающей красочный рассказ о *призвании варягов*: «И избраша 3 братья с роды своими, пояша по себе всю русь, и придоша; старейший, Рюрик, седе Новгороде, а другой, Синеус, на Белозере, а третьей Изборсте, Трувор. И от тех варяг прозвася Руская земля».

Два века этот текст служил идеологическим обоснованием так называемой норманнской теории происхождения древнерусской государственности.

Эта теория возникла и была актуальна для уровня науки первой половины XVIII в., когда вопрос о личности основателя государства Русь являлся принципиальным и для ученых, и для политиков в условиях «немецкого засилья». Но уже в XIX в., со времен С. М. Соловьева и В. О. Ключевского, стало ясно, что складывание государства — это результат внутреннего развития самого восточнославянского общества. И вопрос о призвании князя-конунга Рюрика надолго стал второстепенным, пока вновь не был возрожден уже в советскую эпоху на волне борьбы с «буржуазной идеологией». К тому же ученые XVIII—XIX вв. не сомневались в достоверности самого рассказа. Только исследование его текста в конце XIX в. показало, что «Сказание о призвании варягов» — не современная событию запись летописца, а сделанная спустя 250 лет вставка в летописный свод, и его авторы по-своему осмысливали и перерабатывали дошедшие до них предания.

В настоящее время факт появления варяжского князя (призвание его славянскими и угро-финскими племенами по «ряду» — договору или приглашению конунга с дружиной с последующим захватом власти) не ставится под сомнение. Возможно, им был известный по западным хроникам Рерик Ютландский — конунг-воин из датского королевского рода.

В Западной Европе морские походы норманнов-викингов приводили в IX—X вв. к заселению или захвату обширных земель в Сицилии, Англии и Франции (Нормандия), закрепленным договорами с местными владельцами. Но и там эти образования рано или поздно вошли в состав формировавшихся европейских государств. На обширных лесных территориях Северо-Восточной Европы норманнская колонизация как таковая не произошла, и призванные князья со своими воинами быстро слились (ассимилировались) со славянской знатью.

Однако роль варягов в нашей истории этим фактом не исчерпывается. Отличные мореходы и торговцы, прошедшие на своих кораблях-дракках северное побережье Европы, Средиземноморье и даже добравшиеся до Северной Америки, норманнские дружины и на востоке Европы участвовали в освоении в IX—X вв. важнейших водных путей — бассейнов Днепра и Волги, долгое время служивших основой для функционирования торговых маршрутов «из варяг в греки» и торговли с ведущими державами Востока и арабским миром. В эту эпоху на Великой Русской равнине была создана *единая система коммуникаций*, связавшая молодые варварские государства Северной и Восточной Европы со странами Ближнего и Среднего Востока. На Восток шли меха и моржовая кость, мед и воск, франкские мечи и рабы (язычники и христиане); на Север — драгоценные металлы, пряности, металлическая и стеклянная посуда, парча и шелк. Изучение кладов, обнаруженных вдоль этих путей и в древнейших городских центрах Руси, показало, что арабские монеты-дирхемы легли в основу первой русской денежной системы: 25 дирхемов-«кун» составляли «гривну кун». Создание сети коммуникаций и доходы от транзитной торговли послужили мощным стимулом для роста древнерусских городов и установления связей между ними. По ряду оценок, основанных на анализе этих кладов, в обращение на Руси в IX—X вв. поступило примерно 600 млн дирхемов, которые пошли на вооружение княжеских дружин, строительство новых городов, крепостей и усадеб, развитие городского ремесла.

Третья дата — 882 г., под которым летописный рассказ сообщает, как преемник Рюрика новгородский князь Олег (879—912), спустившись с дружиной на юг, объединил под своей властью территории союзов восточнославянских племенных княжений Северной и Южной Руси. Овладев Киевом и сделав его столицей, он поставил под свой контроль путь «из варяг в греки». Олег первым из русских князей начал *ставить города* — опорные пункты на подвластной территории и *устанавливать дани* славянским племенным княжествам — словенам, кривичам, древлянам, северянам, радимичам. В итоге образовался военно-политический союз — государство Русь, а его объединенное войско уже в 907 г. совершило успешный поход на Византию, в результате которого состоялось дипломатическое признание и появился первый известный международный акт Древнерусского

государства — договор с греками. В этом документе упоминаются и нормы русского обычного права — *Закона Русского*, вошедшие позднее в «Русскую Правду».

Отдельная проблема — происхождение этнонима *Русь*. В приведенном выше рассказе летописец то отождествляет это понятие со славянами, то считает его «пришлым»; в других статьях «Повести временных лет» русь прямо относится к скандинавам. Но при этом в самой Скандинавии народа по имени «русь» не было. Существует несколько гипотез происхождения этого имени. Одна из них связывает русь с финно-угорским названием соседей — шведов и норвежцев — *ruotsi*, и восходит, в свою очередь, к древнескандинавскому значению *roths* — «гребцы». По другой гипотезе, под именем «рос» выступает древнейшее славянское раннегосударственное образование VI—VII вв. вокруг Киева с привязкой его к названию правого притока Днепра — реки Рось. Третьей отправной точкой служит упоминание в византийских хрониках *скифского народа Рос* и древняя топонимика Приазовья и Крыма, где известны названия с корнем «рос». В настоящее время наиболее перспективной представляется точка зрения, согласно которой *русь* не является названием какого-либо народа — это понятие не этническое, а социальное. Так называли на севере «находников» — варяжских князей-конунгов и их разноплеменных воинов-гребцов¹. В таком смысле это понятие и пришло к славянам, где обозначало интернациональную среду слуг и дружинников первых князей. Позднее название *Русь* распространилось на подвластные князьям и их дружине земли: «От тех варяг прозвася Руская земля». В 944 г. уже все войско князя Игоря (912—945), преемника Олега, в новом походе на Византию именуется *русью*, и договор заключают послы «от всех людей Руския земля».

Политическая организация Древней Руси. К началу X в. образовалось единое государство Русь. Но по привычным для нас меркам оно было необычным — являлось территориально-политическим объединением союзов племенных княжений. Границы нового государства, обозначенные на исторических картах, никто не проводил и никто (за исключением опорных сторожевых пунктов) не охранял.

Важным механизмом сохранения контроля над государственной территорией стало *полюдье* — объезд князем вместе с дружиной подвластных земель с глубокой осени до ранней весны. Полюдье — это не только сбор дани-налога, но и способ управления страной при отсутствии государственного аппарата: во время объезда князь лично разрешал конфликты, вершил суд, улаживал пограничные споры. Но это не означало, что он мог самоуправствовать: в 945 г. произвольный сбор дани в древлянской земле закончился убийством князя Игоря и его приближенных. Как известно из летописи, за него отомстила вдова — властная и мудрая правительница Руси княгиня Ольга (945—957). Из того же рассказа выясняется, что у древлян была своя *столица* Искоростень, свой верховный *князь* Мал, а у него —

¹ Договоры с греками запечатлели славянские, скандинавские и кельтские имена бояр из окружения первых варяжских князей, а в дружинных и княжеских погребениях X в. под Черниговом соседствуют славянская керамика, франкские мечи с варяжскими рукоятками, византийские монеты и восточные ритоны-кубки для пиршеств.

«*мужи, иже державу Деревску землю*». Таким образом, в Древнерусской державе с центром в Киеве под властью первых общерусских князей сохранялись местные племенные структуры, с которыми они должны были считаться. Неслучайно и известные договоры с греками X в. заключались Олегом и Игорем от имени «великих и светлых князей», возглавлявших союзы племенных княжений. Поэтому мудрая княгиня Ольга, победив древлян, провела первую налоговую реформу: утвердила точный размер платежей Киеву — *уставы и уроки* и создала систему административных центров — *погостов*, где останавливались князья и княжеские «мужи» для сбора дани и административно-судебного управления.

Весной вместе с собранной данью князь возвращался в Киев. А летом дань вместе с другими товарами грузилась на суда и отправлялась вниз по Днепру — по «пути из варяг в греки» — в столицу Византийской империи Константинополь. Неслучайно в дошедших до нашего времени договорах Руси с Византией 911 и 944 гг. бóльшая часть статей посвящена правовому урегулированию торговли русских купцов в империи.

Новый этап развития древнерусской государственности пришелся на время правления на Руси великих князей *Владимира Святославича* (980—1015) и его сына *Ярослава Мудрого* (1019—1054) — эпоху, когда держава Рюриковичей переживала подъем. При Владимире впервые начинается чеканка своей монеты (златники и сребреники), около 1015 г. Ярославом создается древнейшая часть (*Краткая редакция*) «*Русской Правды*» — первого письменного свода законов Древнерусского государства.

На рубеже X—XI вв. Владимир постепенно ликвидировал племенные княжения: археологические исследования показали, что многие племенные центры на рубеже X—XI вв. потеряли прежнее значение, а некоторые из них были уничтожены — так в Древлянской земле вместо сожженного Искоростеня появился княжеский замок Овруч. Стали появляться и новые княжеские «грады» (Смоленск, Туров, Владимир-Волынский, Белгород, Рязань); туда князь стал сажать по «волостям» своих детей в качестве наместников. Например, его сын Ярослав (в будущем Мудрый) отправился сначала в Ростов и здесь, на северо-восточной окраине Руси основал город Ярославль, а затем княжил в Новгороде.

Такой тип государства часто называется *раннефеодальной монархией*. Однако следует иметь в виду, что Русь X — начала XII вв. была более близка по типу развития к государствам Восточной и Северной Европы — Норвегии, Швеции, Польше, Чехии, Венгрии. От стран Западной Европы эти страны отличались прежде всего отсутствием частной феодальной собственности на землю и преобладанием централизованной эксплуатации свободных крестьян-общинников корпорацией дружинной знати во главе с князем.

Дружина на Руси была главным и всеобъемлющим органом государственной власти и управления. С ней князья и конунги отправлялись в «полюдье» («вейцла» — гощение в Скандинавии). Княжеские старшие дружинники — *бояре* и младшие — *отроки и детские* исполняли судебные и административные функции, получая за это часть от дани, пошлин

и добычи в военных походах; население должно было кормить их во время исполнения служебных обязанностей в качестве судей и приставов. В X—XII вв. боярином мог стать и умелый воин, и «попов внук», и даже выходец «из племени смердя», т.е. простой общинник-смерд.

В новых городах и замках князь оставлял свои гарнизоны с *наместниками* (на Руси — посадниками, в Польше и Чехии — «каштелянами», в Венгрии — «ишпанами»). Сюда стекалась дань, треть которой шла в пользу наместника и его воинов; здесь вершился суд. Окрестное население — жители княжеских сел — было обязано не только платить дань, но и выполнять определенные «службы» — повинности: строить крепости, поставлять в них продовольствие, пасти княжеские табуны и т.д. Археологи нашли на Украине остатки больших пекарен, где делали хлеб для княжеских людей; а документы XIV—XV вв. подтверждают, что службы княжеских бобровников, бортников, рыбаков сохранялись и позднее. Поэтому в литературе можно встретить характеристику такого типа государства как дружинного, а отношения власти и подданных — *служебной организацией общества*.

При этом власть еще не окончательно «оторвалась» от народа. Одним из освященных временем обычаев были воспетые в преданиях и сказках пиры князя Владимира. В эпоху становления государственности такие застолья были своеобразным общественным институтом — совещанием князя со своей дружиной и «множеством народа», где обсуждались вопросы войны и мира, сбора дани с подвластных земель, принимались послы; в былинах богатыри на пиру вызывались «на службу дальнюю». В торжественной обстановке князь вершил суд, награждал отличившихся, наделял обездоленных, т.е. непосредственно общался с подданными и должным образом реагировал на общественные настроения.

Одним из важных государственных институтов древнерусской государственности было *вече*, о котором за столетие (997—1097) имеются только несколько летописных упоминаний: «...поведаша на вечи. И реша людье», «створиша вече», «рече им на вечи». Можно предположить, что это явление пережило за несколько столетий серьезную трансформацию: из архаического высшего органа племенного народного самоуправления оно превратилось в XII—XIII вв. в городской представительный орган. Судя по отрывочным данным, вече играло (особенно во время острых социально-политических конфликтов) важную политическую роль: проводило денежные сборы, решало вопросы обороны, приглашало князей; но его социальный состав не поддается точному определению. При этом вече проявляло себя преимущественно в критических ситуациях; оно могло судить и карать княжеских слуг, но не подменяло собой княжеской власти и нигде, за исключением Новгорода и Пскова, не переросло в постоянную и организованную структуру государственной и правительственной деятельности.

Территория государства Русь рассматривалась как коллективная собственность (домен) правящего великокняжеского рода Рюриковичей, каждый из представителей которого имел право на свою долю власти и доходов. На практике это выражалось в том, что киевские князья Святослав Игоревич (945—972), Владимир Святославич и Ярослав Мудрый выде-

ляли «города» своим детям в «отчину», дробя территорию Руси на «воло- сти» на условиях передачи в Киев части дани с этих земель. При этом кня- жичи сохраняли наследственное право власти, и в случае смерти кого-либо из них остальные «молодые» перемещались, занимая все более престиж- ные княжения. После смерти отца, как это было в 972 и 1015–1019 гг., между братьями начиналась борьба за владение киевским «столом», и каж- дый раз победитель возрождал эту *лествичную* систему. После смерти Ярослава Мудрого наследники — старшие Ярославичи: Изяслав, Святос- лав и Всеволод — жили дружно. Но после поражения от половцев в 1068 г. на реке Альте между братьями началась борьба за Киев. На нескольких княжеских съездах-«снимах» они пробовали договориться о принципах разделения «столов», но каждый раз потомки Ярослава Мудрого возоб- новляли усобицу за новый передел княжений. В итоге договориться уда- лось только в 1097 г., на съезде в Любече, когда внуки Ярослава — Свято- полк Изяславич, Владимир Всеволодович Мономах, Василько Ростиславич, Давыд и Олег Святославичи установили новый принцип организации вла- сти: «каждо да держит отчину свою». Отныне княжества отцов — «отчины» должны были передаваться детям — наследникам каждой из княжеских линий. После ухода с политической сцены трех старших Ярославичей киевский престол перешел к сыну Изяслава Святополку. Но он оказался плохим полководцем и корыстолюбивым правителем, и его смерть в 1113 г. послужила сигналом к народному восстанию в Киеве. По просьбам киевлян великим князем киевским стал Владимир Мономах (1113–1125), просла- вившийся своей многолетней борьбой с половцами. С его именем связано составление нового свода законов — так называемая Пространная редакция «Русской Правды», в которой отразились изменения в социально-полити- ческом развитии Руси. Своим авторитетом и умелой политикой этот князь сумел сохранять мир и относительное единство Руси: его дети управляли такими «волостями», как Переяславль, Смоленск, Суздаль, Новгород, Вла- димир-Волынский, Туров. Столь же решительно действовал и сын Моно- маха Мстислав (1125–1132): по его указу подвластные князья совершили успешный поход на Полоцк, а тамошние князья Всеславичи попали в zato- чение. Но после смерти Мстислава Великого, с середины 30-х годов XII в., русские земли утрачивают политическое единство и распадаются на фак- тически суверенные княжества-государства.

Древняя Русь и ее соседи. Первые 200 лет нашего Отечества отмечены двумя поэтапными направлениями внешней политики. Первое из них — это отношения с Византией и сопредельными странами Востока. Военные походы и попытки русских князей укрепить свои позиции в устьях Дне- пра и Днестра, в Крыму и на Тамани периодически приводили к военным конфликтам с Византийской империей — в 907, 911, 941, 944 гг. Каждый раз заключение мирных договоров сопровождалось выработкой условий для ведения торговли Руси с Константинополем. Так, по договору 944 г. русские купцы-послы по предъявлении грамоты от князя получали спе- циальное посольское содержание. Они жили на своем подворье в предме- стье Константинополя, подчинялись специальным правилам перемещения в городе (группами, без оружия и в сопровождении чиновников), платили

пошлины и получали на обратную дорогу продовольствие и снаряжение от греческих властей. Особо регулировались наказания за имущественные преступления и возвращение беглых рабов.

В политической сфере договоры, как правило, закрепляли союзнические отношения, и следствием их были походы русских в 909—913 и 945 гг. на Каспий против мусульманских владетелей Закавказья. Сын Игоря выдающийся древнерусский полководец князь *Святослав* (945—972) в военных походах 964—965 гг. разгромил слабеющий Хазарский каганат, прошел по Предкавказью, победил «ясов и касогов» (алан и адыгов) и основал русское княжество на Таманском полуострове — Тьмутаракань. С 967 г. Святослав попытался включить в сферу своего влияния Болгарию и утвердить центр своей державы на нижнем Дунае. Он разделил Русь между сыновьями и перенес свою резиденцию в захваченный город Переяславец, где, по сообщению летописца, видел «середу земли моей, яко ту вся благая сходятся». Эта политика привела к столкновению с Византией: в новой войне коалиция славян, болгар, венгров и печенегов потерпела поражение. По договору 971 г. Святослав вынужден был уйти из Болгарии и по дороге домой был убит печенегами у днепровских порогов.

В эпоху правления Владимира Святославича и Ярослава Мудрого далекие походы русских дружин прекратились: основные восточнославянские земли уже консолидировались и наступило время для внутрисоюзного строительства. Владимир заключил новые союзы с Византией, а Ярослав вступил в союз с германским императором Генрихом II против Польши и в итоге в 1031 г. с соседней страной были установлены мирные отношения и определены границы в районе современного Бреста. У могущественного главы державы Рюриковичей искал поддержки изгнанный норвежский король Олаф Святой. Одна дочь Ярослава, Анна, была выдана замуж за французского короля Генриха I, другая, Елизавета, — за брата Олафа, короля Харальда Смелого. Сына Изяслава князь Ярослав женил на польской принцессе, Всеволода — на византийской. Пытаясь утвердить независимость русской церкви от константинопольского патриарха, Ярослав добился избрания духовенством первого русского митрополита Илариона, который в своем «Слове о законе и благодати» с гордостью говорил, что его страна «ведома и слышима всеми концами земли».

С конца X в. главным направлением политики становится защита русских земель от кочевников. Князь Владимир Святославич приступил к созданию общегосударственной системы обороны пограничных со степью областей. Эта грандиозная оборонительная система создавалась не на пустом месте. До сих пор продолжают споры о времени создания и назначении так называемых Змиевых валов — частично сохранившихся до нашего времени на Украине многокилометровых земляных сооружений. Вероятно, что это древнейшие из известных нам славянских укреплений на границе со степью. Более точные сведения имеются начиная с X—XI вв., и на основании летописных известий и раскопок можно реконструировать систему организации обороны Руси от набегов кочевников. Известные по былинам «заставы богатырские» кое-где сохранились до сих пор — это десятки городищ-крепостей вокруг Киева и ниже его по притокам Днепра

с обеих сторон. Броды на самом Днепре также охраняла система крепостей — Канев, Витичев, Заруб, чьи сигнальные огни могли быстро передать в столицу известие о приближении врага. Построенные Владимиром крепости Василев, Белгород, Новгород Малый, Переяславль смогли выдержать печенежскую осаду во время войны 988—997 гг., когда сам князь едва не попал в плен.

После разгрома Ярославом Мудрым печенежской орды под Киевом в 1036 г. главная оборонительная линия переносится дальше на юг — на реку Рось, где через каждые 10—15 км новую границу стерегли крепости Юрьев (современная Белая Церковь), Богуслав, Корсунь и др. На левом берегу Днепра границей Руси в XI в. стали река Сула и ее притоки, по которым стояли мощные укрепления, предназначенные для отражения нападений нового противника — половцев, вытеснивших из южнорусских степей печенегов.

В начале XI в. половецкие орды откочевали из казахских степей в Поволжье, а в середине века появились уже у границ Руси и в 1068 г. разбили войско князей Ярославичей. С этого времени русские летописи постоянно сообщают о грабительских набегах половцев на пограничные княжества: с 1061 по 1210 г. они совершили только больших походов на Русь 46, мелким набегам не было счета. Половецкие ханы стали постоянными участниками русских междоусобиц на стороне то одного, то другого князя. Союзы русских князей с половцами нередко скреплялись браками: ханы и беки охотно отдавали своих дочерей и сестер замуж за русских князей. С конца XI в. оборону самого опасного участка южной границы — Переяславской земли — возглавил Владимир Мономах. По инициативе этого князя система укреплений по реке Суле дополнилась новыми городищами и крепостями, построенными как на высоких склонах, так и в болотистой пойме реки, надежно прикрывавшими броды и основные дороги. Укрепления (известно около 40) располагались так, что сведения о появлении степняков немедленно передавались при помощи световой сигнализации по всей линии крепостей.

В половецкой степи к концу XI в. образовалось несколько объединений — орд, контролировавших определенную территорию, во главе с ханами Шаруканом, Боняком, Сугрой. Эффективная организация обороны в сочетании с налаженной разведкой позволили Владимиру Мономаху предпринимать глубокие рейды в *Дикое поле*. Успешные походы 1095, 1103, 1109, 1111, 1116, 1120 гг. и разгром половецких укрепленных поселений заставили половцев откочевать подальше от границ Руси — в Грузию и Венгрию, а русские дружины возвращались «с добытком и с челядью». Однако успехи были не всегда: усиление натиска половцев в условиях раздробленности и нежелания многих князей участвовать в совместных действиях приводили к тому, что наиболее удачливые ханы «стучали саблями» в Золотые ворота Киева (Боняк в 1096 г.). Вместе с русскими князьями кочевники безнаказанно громили целые волости: так, в 1160 г. в качестве союзников князя Изяслава Давыдовича Черниговского половцы угнали из под Смоленска более 10 тыс. пленных, в 1176—1177 гг. вместе с рязанским князем Глебом разорили Москву и окрестности Владимира. После печально знаменитого похода в степь князя Игоря Святославича Новгород-Северского

в 1185 г. половцы даже пытались штурмовать крупные города Переяславль и Путивль.

В то же время кочевники и защищали Русь. Как на правом, так и на левом берегу Днепра русские князья держали вассальные кочевые объединения некогда разбитых половцами печенегов, торков, ковуев, берендеев (на Руси их называли *черными клобуками*), имевших определенные участки для кочевий, свои укрепления-городки (Торческ на Руси) и использовавшихся как разведчики и мобильная военная сила для предотвращения половецких набегов и в организации погони.

Со степняками не только воевали, но и торговали: кочевники пригоняли для продажи табуны лошадей и другой скот в обмен на ткани, меха, оружие. Через степь проходили международные торговые пути («Залозный» связывал Русь со странами Закавказья, а «Солоный» вел вдоль Днепра в Крым, откуда доставляли соль). Половцы получали значительные выгоды в виде пошлин с купеческих караванов. Постоянное тесное общение кочевников с Русью приводило к тому, что русские дружинники усваивали их приемы боя, а половцы переходили к полuosедлости в наиболее удобных для этого участках степи; в их среду проникало христианство. Нередко русские дружины вместе с половцами сражались против новых завоевателей. Процесс взаимовлияния двух этносов прервался в 30-х годах XIII в. мощным монгольским нашествием.

Крещение Руси и его последствия. Изменения в укладе жизни, социальной структуре и организации власти на Руси закрепило принятие христианства в конце X в. по византийскому образцу. Эта важнейшая реформа была проведена князем Владимиром Святославичем, получившим от потомков прозвание Святой. Точно установленные факты распространения христианства на Руси относятся к IX—X вв., когда крещение стали принимать представители киевской знати и часть дружинников, а в столице уже существовала в середине X в. церковь св. Ильи. По-видимому, можно говорить о существовании различных общин и направлений этого учения: такие слова, как «крест», «алтарь», «церковь», «пастырь», имеют западное происхождение. Византийская церковь, кроме того, не употребляла колоколов и не знала понятия десятины. Распространению новой религии способствовало и расширение международных связей Руси. Шаг Владимира Святославича был закономерным: в IX в. христианство приняли Болгария и Чехия, в X в. — Польша, Дания и Венгрия, в XI в. — Норвегия и Швеция, что в целом завершило процесс формирования европейской цивилизации. Окончательный же выбор Русью восточного варианта христианства — православия — был обусловлен как давними связями с Константинополем, так и традициями восточной церкви: тесной зависимостью от светской власти и богослужением на родном языке. Умелое использование внутреннего кризиса в Византии позволило русской дипломатии избежать при принятии христианства вассальной зависимости от империи и утвердить международный авторитет Руси. Император Византии Василий II в 987 г. вынужден был обратиться к Владимиру за помощью в борьбе против мятежного полководца Варды Фоки. Князь обязался послать на помощь войска и принять христианство в обмен на согласие императора выдать за него замуж свою

сестру Анну. После разгрома мятежника Фоки (с помощью шеститысячного русского войска) Василий II не спешил с исполнением взятого на себя обязательства, в результате чего Владимир с войском вторгся в византийские владения в Крыму и захватил Херсонес. Это заставило Константинополь поспешить с бракосочетанием и восстановить мирные отношения.

О дате и обстоятельствах важного для Руси события ученые спорят до сих пор, что обусловлено трудностью анализа разноязычных источников с различной системой летоисчисления. Но когда бы ни произошло крещение Владимира и его подданных (988—990 гг.), этот шаг означал прежде всего проведение крупной государственной реформы: на Руси появился новый общественный институт — церковь. С тех пор она сохраняет единую систему управления: митрополит (с 1589 г. — патриарх) — епархии (области) во главе с архиепископами и епископами — приходы (приходские храмы со штатом священнослужителей — клиром) — монастыри (общины отрекшихся от мира иноков-монахов, принявших обеты нестяжания, безбрачия и послушания).

Появившись в патриархальном обществе, церковь как более зрелая социальная и духовно-нравственная структура помогала становлению Древнерусского государства и взяла на себя часть его функций. В ее руках находился суд по семейно-брачным и наследственным делам, и наряду с «Русской Правдой» действовал переведенный с греческого кодекс церковного права — Номоканон, или Кормчая книга. В ведении церкви находились определенные категории населения: лекари, клирошане, паломники. В церквях оглашались царские указы и манифесты, хранились документы, эталоны мер и весов. Духовенство как носители знаний и грамотности выступало в качестве школьных учителей. В свою очередь, княжеская власть обеспечивала церковь материально: в X—XI вв. — за счет *десятины* (отчислений от княжеских доходов — штрафов, пошлин и т.д.), а затем передавала епископам и монастырям села с крестьянами.

Не менее важной функцией церкви стала забота о нищих и обездоленных. Церковные власти поощряли милостыню, устраивали богадельни; в «церковном доме» могла найти убежище незамужняя женщина с ребенком; под особым покровительством находились паломники, «хромцы и слепцы».

Наступая на традиционные общинные права и обычаи, церковь из столетия в столетие усиливала контроль за поведением людей в наиболее консервативной и труднодоступной для государственного вмешательства сфере семейного быта. Грамоты новопоставленным пастырям предписывали неуклонно выполнять свои повседневные обязанности в гуще мирской жизни. Священники уговаривали господ «миловать свою челядь» и терпеливо приучали к новому образу жизни соотечественников, которые «без стыда и срама» имели по несколько жен и наложниц, играли свадьбы без венчания с буйными плясками, «гудением и плесканием», не признавали постов, устраивали языческие «игрища» и «творили насилье» прямо в храме.

Не менее трудным делом для духовенства было заставить вчерашних язычников «молвити своя грехи» духовному отцу — белому или черному священнику, призванному контролировать повседневную жизнь своих

прихожан. Надо было добиться стыда и раскаяния (и привычки осознавать свои прегрешения), не отпугивая при этом строгостью наказания, чтобы грешник «в отчаянье не впал». По грехам и «по силе» каждого после исповеди назначалась епитимья, а при огласке какого-либо бытового «грехопадения» ее виновники представляли перед закрытым епископским судом, «мирян не припущая».

Активно участвовала церковь и в процессе распространения христианства: с расширением границ княжеских владений строились новые церкви, а в крупных городах основывались епископские кафедры. В свою очередь, князья стремились обеспечить себе поддержку со стороны влиятельных церковных корпораций и боролись за право покровительства отечественным святыням — таким, например, как мощи князей Бориса и Глеба. В период раздробленности епископы вмешивались в политическую борьбу на стороне «своих» князей. Так, владимирское духовенство помогло Андрею Боголюбскому в утверждении патронального культа Богородицы перенесением из Киева на север почитаемой иконы Богоматери — будущей Владимирской — и введением не санкционированного Константинополем и киевским митрополитом праздника Покрова. Случались (у того же Андрея и других князей) и конфликты с церковными иерархами и монастырями, но все же через 200 лет после крещения Руси православная церковь стала важным и влиятельным институтом в феодальной общественной структуре: уже в конце XI в. Киево-Печерский монастырь принял «волоости» от князя Ярополка Изяславича и обзавелся «рабами», а в XII в. земельные владения получают и епископы.

При помощи разработанного вероучения и стройной организации (ничем этим язычество не обладало) церковь стремилась освятить и укрепить новый общественный строй. Утверждение новой религии означало и переворот в мировоззрении людей, которым христианство предложило иную по сравнению с язычеством систему ценностей.

Христианское мировоззрение. В эпоху болезненного перехода от патриархальной узости и вековых родовых традиций к цивилизации, утверждения государственности и социальных конфликтов новая религия принесла с собой великую идею *равенства*. Христианство исключило племенные и этнические различия и разрывало языческий круговорот бытия: война эпохи Игоря и Святослава хоронили с оружием для будущих битв, а при жизни он клялся, что при неисполнении договора «да будет раб во весь век в будущий», и предпочитал смерть плену, который предопределял на ином свете его неизбежное рабство.

В новой системе ценностей происхождение и социальный статус человека не имели значения: на Страшном суде «смерд» вполне мог оказаться более достойным, чем боярин или князь. При этом новая вера не посягала на земные порядки («Киждо бо раб своего господина хвалит», — писал знаменитый проповедник XII в. Кирилл Туровский), хотя и осуждала резкий разрыв между евангельскими нормами и реальностью грешного мира. Но само признание равенства — хотя бы только перед Богом — и уверенность в грядущем разрешении всех земных противоречий до определенной степени сдерживали страсти и смягчали остроту социальных конфликтов.

Христианство не только уравнивало людей перед Богом — оно вырывало их из круговорота слепой космологической зависимости: *личная ответственность невозможна без свободы личностного выбора и духовной самостоятельности каждого человека*, который отныне мог по мере своих сил приобщиться к божественной благодати («нетварной энергии»). Навстречу ему раскрывался Бог в человеческом лице Иисуса Христа, реально соединившем божество со всей природой человека. Личностное восприятие мира как Божьего дара давало христианину и надежду: даже на пороге смертного часа раскаявшийся грешник мог получить прощение и облегчить свою участь. Такой тип сознания поднимал человека на немыслимую для языческого мироощущения высоту.

Новое истолкование мира и роли человека в нем определяло эстетическое отношение людей к открывшейся им мудрости «чудно» и «дивно» устроенной Вселенной, которое выразил знаменитый полководец и государственный деятель, великий князь Киевский Владимир Мономах: «...велий еси, Господи, и чудна дела твоя, и благословено и хвално имя твое в веки по всей земли. Иже кто не похвалит, ни прославляет силы твоя и твоих великих чудес и доброт, устроенных на сем свете: како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звезды, и тма и свет, и земля на водах положена, Господи, твоим промыслом! Зверье разноличии, и птица и рыбы украшено твоим промыслом, Господи! И сему чуду дивуемся, како от персти создав человека, како образи разноличии в человеческих лицах — аще и весь мир совокупить, не вси в один образ, но кьи же своим лиц образом, по Божии мудрости...» Правда, вместе с оптимистическим видением в христианской русской культуре присутствовало и иное, гораздо более мрачное восприятие грешной действительности, презрение к миру и к плоти (в Киево-Печерском патерике), но оно никогда не было определяющим.

Антропоцентризм, установка на свободу личности человека, созданного по образу и подобию Бога-творца, стали характерной чертой европейской культуры, определили ее открытость и терпимость по отношению к другим типам культуры и в то же время принципиально отличали ее от фаталистического мира ислама и восточных культур, для которых человек — лишь частное проявление универсального потока жизни.

Однако в рамках европейского культурного единства имелись и отличия, вызванные разными путями развития его регионов, их природно-климатическими особенностями и хозяйственным укладом, этнической структурой, доставшимися от прошлого традициями. Русь не знала и не осваивала непосредственно составившее важнейший источник западноевропейской культуры античное «наследство» с его городскими культурными центрами, римским правом, латинской образованностью и классической школой. Вплоть до XVII в. Русь не была знакома со схоластикой — христианским философствованием (или шире — интеллектуальной традицией), которое при помощи аристотелевой логики пыталось рационально истолковать и обосновать церковные догматы, примирить разум с откровением.

Христианство пришло на Русь уже в «готовом» виде, с утвержденной догматикой и культом после столетий борьбы за чистоту вероучения. Поэтому в фундамент духовных основ русской культуры закладывались не интел-

лектуальный поиск или правовое устройство общественной жизни, а идеи внутреннего преобразования личности в обществе, развитие которого определяло государство, выступавшее и главным собственником. Это ценностное ядро русской культуры обуславливало целостное восприятие мира в органичном слиянии истины и добра (при котором «милосердие» и «совесть» стоят выше, чем «справедливость» и «закон»), знания и веры. При отсутствии «школьных» традиций систематического мышления русской культуре и искусству пришлось взять на себя задачу приобщения людей к миру духовности не через интеллект, а через чувство: философские идеи воплощались не в виде понятийно-логических конструкций, а в художественно-пластических образах (классический пример — Троица Андрея Рублева)

Двоеверие. Акт принятия христианства в качестве государственной религии не означал, конечно, быстрого и повсеместного его утверждения в обществе; это был длительный и сложный процесс. Наиболее заметен он оказался в городах, где население было меньше связано патриархальными традициями и где шло активное храмовое строительство. Если во второй половине XI в. в городах было построено 18 церквей, то во второй половине XII в. — уже 112. Однако в это время и на юге, и в северо-восточном Суздале прямо за городским валом по-прежнему насыпались курганы и усопшие отправлялись в последний путь и с крестиком, и с обычным языческим погребальным инвентарем. Только в XIII в. погребения по языческому обряду начинают исчезать, но на севере он сохранялся до начала XVI в.; еще спустя 50 лет новгородские архиепископы жаловались в Москву о «скверных молбищах идолских» во главе с «арбуями» — жрецами.

И в городе, и в деревне христианизация привела к двоеверию — устойчивому религиозно-магическому синкретизму языческих и христианских верований и обрядов, что было в известной мере характерно и для других европейских стран, где примитивное восприятие основных положений вероучения и культа сопровождалось его фольклоризацией и «паганизацией» — включением прежних языческих представлений и норм.

В храме звучал церковнославянский язык, восходящий к южноболгарскому (солунскому) славянскому диалекту, а в миру говорили на разговорном древнерусском. При рождении средневековый человек получал два имени — языческое и крещальное, а в придачу к ним — прозвище («Свибло» (шепелявый), «Толстой» или «Вареные ноги»), сопровождавшее его всю жизнь; понятие фамилии появится в феодальном кругу в XV в., а у крестьян — только к концу XIX в., и то лишь по официальным документам.

Сакральному пространству храма и «красному углу» крестьянской избы с иконами и лампадами противостояли «нечистые» места: перекрестки дорог, овин и баня — в ней проживали «домашние» темные силы (там полагалось снимать крест и совершать гадания). Вместе с молитвами в течение многих столетий в употреблении оставались заговоры на все случаи жизни.

В повседневной жизни за помощью в деликатных ситуациях обращались не только к священнику, но и к местным колдунам-волхвам за «зельем» для «приворожения», лекарственными травами или просто за советом. Приходские церкви не всегда были рядом с домом, а многие языческие святилища продолжали действовать до XIII в.

По крайней мере до XVII в. вполне терпимыми «конкурентами» духовенству выступали скоморохи (или «веселые»), которые вполне легально занимались своим ремеслом, отмечались в переписях как постоянные городские или сельские жители, и их «бесчестье» (оскорбление) даже каралось штрафом. В репертуар скоморохов входили и вполне серьезные духовные стихи, а сами они рассматривались как обладатели магических знаний и силы. По праздникам или на свадьбах, куда вместе призывали «иереев со кресты, а скоморохов с дудами», последние выступали как необходимые служители смеха и веселья, которых нельзя было прогнать и с которыми церковь до поры вынуждена была мириться.

Регулирование бытового поведения людей требовало осторожности: духовенство постепенно вводило языческие ритуалы в рамки церковного календаря — святки стали частью праздника Рождества, а ночь на Ивана Купалу «совместила» языческие русалии и Рождество Иоанна Предтечи. Но и спустя 500—600 лет после крещения Руси церковные поучения постоянно повторяли осуждения в адрес подобных празднеств: «Стучат бубны и глас сопелий и гудут струны, женам же и девам плескание и плясание и главам их покивание, устам их неприязнен клич и вопль, всескверная песни, бесовские угодия совершахуся, и хребтом их вихляние, и ногам их скакание...» — сокрушался о поведении своих прихожан игумен одного из псковских монастырей Памфил в 1505 г. Попрекали священнослужители свою паству и тем, что она не часто посещает церкви, верит в дурные приметы, откликается на «чих» заклятием (от которого происходит наше «будьте здоровы»).

Христианские святые, подобно языческим богам, принимали на себя «заведование» повседневными житейскими проблемами: Флор и Лавр охраняли лошадей, св. Терентий — кур; Николай-угодник (иностранцы говорили о нем в XVI в. как о «втором русском боге») был покровителем всех путешествующих и странствующих; св. Антипе надлежало молиться об избавлении от зубной боли, а Моисею Муруну — от «винного запойства».

Появились на Руси и особенные «народные» святые: Никодим Кожезерский, умерший от отравы, приготовленной другому его злодейкой-женой; Артемий Веркольский, в 12 лет убитый молнией в поле, где пахал с отцом; Варлаам Керетский, убивший жену и наложивший на себя обет — плавать в лодке с покойницей вдоль берега Белого моря, пока «мертвое тело тлению предастся». Вопреки церковным канонам стал святым Кирилл Вельский, принародно утопившийся в реке из-за притеснений воеводы! Эти святые — простые крестьяне — не совершали подвигов и не принимали мучений за веру, но в народном сознании сподобились святости за перенесенное ими горе.

Двоеверие было характерно не только для повседневной народной жизни. И для «верхов» древнерусского общества принятие христианства не всегда означало отказ от традиции. Первый русский митрополит Иларион, прославляя князя Владимира, ставил в один ряд с ним язычников — «старого Игоря, сына же славного Святослава», поскольку они «мужьством же и храбрьством прослуша (прослыли) в странах многих

и поминаются ныне и словутъ. Не в худе бо и не в неведоме земли владычествоваща, но в Русьской, яже ведоша и слышима есть всеми коньци земля». Гордость за величие и равноправие Руси в ряду других христианских стран не отвергала ее языческое прошлое и деяния ее князей, в течение более 200 лет сохранявших веру в помощь «дедней и отней молитвы» — пережиток вполне языческого культа предков. Князья в XI — XIII вв. так же, как и их подданные, носили двойные имена, совершали языческие воинские обряды («постриги»); на княжеских дворах устраивались веселые пиршества с «играми», на которых исполнялись ритуальные языческие танцы, запечатленные на женских браслетах XII в.

Языческие образы и сюжеты органично вписывались и в мир «высокой» культуры: мифологические животные и птицы (грифоны, львы, «древо жизни») присутствуют в росписи Софийского собора в Киеве, в декоре белокаменных владимирских соборов XII в., в ювелирных произведениях киевских мастеров. Древнейшие языческие идеограммы (вроде иранского по происхождению Сэнмурва-Симаргла — крылатого зверя, хранителя «древа жизни») встречались в орнаменте и заставках, украшающих вполне христианские по содержанию рукописи и силой своего эмоционального воздействия готовили читателя к нелегкому делу чтения и постижения новых мировоззренческих истин. По воле автора «Слова о полку Игореве» герои обращались за помощью к языческим стихиям (ветру, солнцу, Днепру), а князь Всеслав Полоцкий предстал в фантастическом образе волка-оборотня, способного затмить солнце. Все эти образы были вполне понятны современникам спустя 200 лет после крещения Руси и естественно вписывались в мировоззрение людей той эпохи, которое по целому ряду «параметров» отличалось от современного.

Глава 2

РУСЬ УДЕЛЬНАЯ: РУССКИЕ ЗЕМЛИ В СЕРЕДИНЕ XII — СЕРЕДИНЕ XIII ВВ.

Вотчина и город. По подсчетам современных демографов, на территории Киевской Руси проживало от 2,5 до 4,5 млн человек. Для средневековой Руси была характерна низкая плотность населения (в 2 раза меньше, чем в Западной Европе) при огромных неосвоенных пространствах и больших расстояниях между населенными пунктами. Главными путями оставались реки, а для переправы из одной речной системы в другую создавались «волоки». На бескрайних лесных просторах русские поселения по берегам рек были отрезаны друг от друга «дорогами непроезжими», которые периодически приходилось прокладывать заново. Весной и осенью распутица прекращала даже ожесточенные войны, но и в другое время летописец XII в. мог отметить, как враждующие армии неподалеку от Москвы «минутася в лесах», т.е. не нашли друг друга для сражения.

В X—XI вв. среди поселений свободных общинников появляются княжеские села. К концу XI в. относятся первые сведения о пожаловании князьями своим приближенным (боярам, епископам, монастырям) земельных владений — сел с крестьянами. Первым из известных нам владельцев стал в 70-е годы XI в. Киево-Печерский монастырь. Сколько появилось таких вотчин в XII в., сказать невозможно, но археологические исследования уже четко выделяют в этом столетии десятки феодальных усадеб — укрепленных поселений размером 1000 кв. м и более. Статьи «Правды Ярославичей» (создана около 1072 г.) и «Пространной Правды» (XII в.) уже призывали охранять княжеские и боярские владения.

За забором таких владений стояли хоромы боярина, многочисленные служебные помещения, «клетки» — кладовые, конюшни, принадлежавшие вотчиннику ремесленные мастерские. Обитатели усадьбы резко различались по своему социальному и имущественному положению. На первом месте стояли представители администрации вотчины: *тиун*, *конюх*, *ратайный* (*пашенный*) староста. Их жизнь оберегалась штрафом гораздо более высоким, чем за убийство простого человека; они руководили слугами, среди которых были и ремесленники, и пленная и купленная *челядь*. В княжеских селах и погостах жили лично свободные *смерды* — они исполняли воинскую повинность и входили в состав княжеского войска. Основное население боярской или монастырской вотчины составляли лично свободные крестьяне — *люди*, чья зависимость выражалась прежде всего в уплате ежегодного оброка. Господскую пашню обрабатывали обычно разорившиеся крестьяне — *ролейные закупы* или «посаженные» на землю рабы-

холопы, не обладавшие никакими правами, ответственность за действия которых нес господин. Неустойчивость крестьянского хозяйства, связанная с неурожаями, эпидемиями, набегами кочевников, заставляла общинника обращаться к владельцу с просьбой о займе — *куне* или о заключении договора — *ряда* на условиях выдачи такому *рядовичу* или *закупу* семян или рабочего скота. Бегство *закупа* или совершенная им кража превращали его в раба. Таким образом, феодальная вотчина не только привязывала к себе крестьян «внеэкономическим» насилием, но и становилась своего рода гарантией стабильности общества.

Вокруг находились пахотные земли, пожни, охотничьи угодья с бобровыми ловищами. «Пространная Правда» подробно фиксирует в законодательных нормах кары за нарушение господских межей и всякое покушение на собственность вотчинника, вплоть до веревки из охотничьей ловушки; регулирует его отношения с *рядовичами* и *закупами* (которых, в частности, можно бить «про дело» и нельзя — в пьяном виде); указывает порядок осуществления «свода» — поиска беглого холопа.

XII столетие — это время интенсивного образования и роста древнерусских городов: на рубеже X—XI вв. насчитывалось всего 20—25 городских центров; в XI в. летописи упоминают 64 новых центра, в XII в. — еще 134. Проблема заключается в том, какое укрепленное поселение можно считать городом? На территории Руси археологам известно 1400 укрепленных городищ, но среди них встречаются и убежища для крестьян-земледельцев, и пограничные крепости, и княжеские замки, и боярские усадьбы. Настоящим средневековым городом можно считать поселение, органично сочетавшее несколько функций: выступавшее и торгово-ремесленным, и административным, и военным, и духовным центром. На данный момент исследовано 70 таких «настоящих» городов, но можно полагать, что общее их количество приближается к 150.

Древнерусский город — это сложное фортификационное сооружение, расположенное обычно на обрывистом (правом — для текущих на юг и левом — для текущих на север) берегу реки при впадении в нее другой, более мелкой, или при вхождении в речную пойму двух параллельных оврагов. С уязвимой напольной стороны, а часто и по всему периметру город укреплялся кольцевыми рвами и валами, достигавшими 8—10 м и более. Основу вала составляли рубленые бревенчатые клетки-городни, а поверху шла деревянная стена с башнями и крытыми площадками-заборами, защищавшими оборонявшихся от стрел врага. В центре такого города располагался укрепленный *детинец* с гарнизоном, резиденцией князя или его посадника, вершившего суд и собиравшего пошлыны. Здесь же строился городской собор, при котором состояли администрация епископа, священники и церковнослужители, зависимые от них люди. Детинец был окружен торгово-ремесленным *посадом*, делившимся на «концы» (районы) и улицы, часто по профессиональному признаку. От центра к рубленным деревянным стенам и воротам расходились основные дороги-улицы, вдоль которых в радиусе кольца укреплений и за ними рос и сам город, приобретающая радиально-кольцевую планировку. Уже с X в. улицы стали мостить, и конструкции мостовых сохранялись без изменения около тысячи лет.

Деревянными были и другие городские сооружения: колодцы, набережные, мосты, дренажные системы.

Такой центр занимал от 2,5 до 40 га и насчитывал в среднем 3—5 тыс. человек населения, значительная часть которого — 15—20% — вела вполне крестьянский образ жизни. В пределах городских стен находились сады и огороды, а сразу за стенами — пашни и выгоны; в амбарах на усадьбах горожан хранились овес, рожь и пшеница. Вдоль узких (шириной 3—5 м) улиц при достаточно свободной планировке располагались усадьбы горожан с жилыми и хозяйственными постройками. Каждая такая «клетка» городского организма представляла собой замкнутый автономный мир; еще в XIX в. в зажиточных домах полагали нормальным иметь сезонный запас продовольствия. Огромные дворы князей и бояр, где жили десятки и сотни зависимых людей и хранилось «бещисленное множество злата и серебра и паволоками и скорою», становились своего рода производственными центрами для переработки продуктов, стекавшихся в виде оброка из обширных феодальных вотчин и княжеских «волостей». С владениями знати соседствовали жилища простых горожан, большая часть которых занималась ремеслом и торговлей. Дома горожан были крупнее, чем деревенские постройки, поскольку часто жилище совмещалось с мастерской — кожевенной, ювелирной, литейной, ткацкой. Раскопанный в Новгороде дом иконописца конца XII в. Олисея Гречина представлял собой настоящую «химическую лабораторию» по изготовлению красок. Над избами рядовых или зависимых людей возвышались двух-, а то и трехэтажные дома знати со множеством комнат, пристройками и галереями-балконами, украшенными резьбой. Бытовая утварь горожан была богаче, чем у крестьян, но также преимущественно деревянной: мебель, посуда, музыкальные инструменты, лари и шкатулки, где хранились ценности и всякая «ларечная кузнь»; фигурки домовых, сани (на которых порой ездили и летом). Как и крестьянки, жены горожан мололи муку ручными жерновами и пряли пряжу веретенами с пряслицами. Но в городах встречаются и металлические светильники, и бронзовые кресты, и замки с ключами, и изысканные украшения.

Сопоставление данных письменных источников с археологическими дает основание выделить в древнерусском городе до 100 ремесленных специальностей и специализаций: бронники, гвоздочники, замочники, оружейники и т.д. (специализация шла по готовым изделиям).

В XII в. ремесленники переходят от работы *на заказ* к изготовлению изделий *на рынок*: новые технологии позволяли производить не только дорогостоящий стальной нож, но и более дешевый железный с наварным стальным лезвием. Массовое распространение в городском ремесле получили дешевые стеклянные браслеты, бусы, медные пряжки. Соответственно, возросли и масштабы торговли с округой: по примерным подсчетам, на каждый такой город приходилось от 30 до 50 неукрепленных селищ. Крестьяне везли свою продукцию в город, а изделия городских ремесленников (порой отливки из одной мастерской) расходились в радиусе 30—50 км от города.

Продукция ремесленников поступала к купцам, некоторые изделия — ювелирная «кузнь», «русские» навесные замки — даже шли на экспорт

вместе с традиционными для Руси мехами, воском. Хлеб из средневековой Руси не экспортировался. И с купцами, и с ремесленниками были связаны предоставлявшие им кредит ростовщики — неслучайно восстание в Киеве в 1113 г. заставило князя Владимира Мономаха законодательно ограничить ставку займа 20% годовых. Для крупных сделок деньгами служили гривны — слитки серебра в 160–200 г, для мелких — беличьи шкурки. Впрочем, относительная налаженность и изобилие городского быта часто пресекались страшным неурожаем, эпидемией, вражеским набегом или междоусобием. В такое время цены на хлеб — главный продукт потребления средневекового человека — увеличивались в 6, 9 и даже в 40 раз.

В городе производилось все, что было нужно для хозяйства и войны; он являлся экономическим и административным центром округа, в нем прежде всего шло строительство храмов и обучение грамоте. Горожане были более информированными (уже с X в. городские глашатаи-*биричи* оповещали их о произошедших событиях), и именно в городах составлялось большинство дошедших до нас летописей.

Жители городов быстрее знакомились с новинками и импортными товарами; в XI–XII вв. на городском торгу можно было встретить сирийские бусы, польский свинец, иранскую художественную керамику, фризское и фламандское сукно. В XI в. в Киеве появились византийские мастера, обучавшие местных учеников искусству стеклоделия, производству смальты (стекловидной массы для мозаичных картин), технике перегородчатой эмали на золотых украшениях. А в XII в. киевские образцы вместе с кочующими мастерами появились во Владимире, Суздале, Рязани, Полоцке и других русских городах. Из Византии шли ценные шелковые ткани, пряности, стеклянная посуда; из Германии — бронзовые чаши и мечи, из Крыма — амфоры с вином, из Прибалтики — янтарь; встречались и заморские диковинки вроде индийских шахмат. На пристанях и на городском торгу свои товары предлагали приезжие из всех окрестных стран, и практичный Владимир Мономах советовал в «Поучении» своим детям заботиться о «гостях»: *«...ти бо, мимо ходячи, прославят чело века по всем землям»*. Новгород и Смоленск заключали договоры с северогерманскими городами, объединенными в союз — Ганзу. В Новгороде долгое время действовали Немецкий и Готский дворы, а в Киеве XII–XIII вв. существовали и еврейский квартал, и «латинский» монастырь, а сохранившиеся источники не содержат свидетельств национально-религиозной нетерпимости. Настоятель Печерского монастыря Феодосий во второй половине XI в. призывал князя Изяслава Ярославича: *«Милуй не только своя вера, но и чужия... аще то буди жидовин или сарацин, или болгарин, или ото всех поганых — всякого помилуй и от беды избави»*.

В свою очередь, и русские люди «осваивали» далекие земли: сын Ярослава Мудрого Всеволод отстраивал на свои средства ирландский монастырь св. Якова в Регенсбурге на Дунае, паломники проложили морской и сухопутный путь в Палестину, а купеческие суда и караваны посещали и немецкий Любек, и роскошный Константинополь, и закавказские центры Рей, Тебриз и Бердаа. Информация, привезенная «каликами переходжими» и «заморскими купцами», попадала в летописи и специальные сочинения

о путешествиях — «Хожения», а сам городской образ жизни расширял кругозор людей и способствовал их приобщению к новым культурным ценностям.

Современные исследования русского средневекового ремесла показывают, что уровень его специализации и технологии был не ниже, чем в известных центрах Западной Европы и Ближнего Востока. Уже в эпоху Древней Руси проявилось и своеобразие развития русского города: связь его населения с сельскохозяйственными занятиями в ближайшей округе и отсутствие развитых коммунальных структур, быстро утверждавшихся в Западной Европе. На Западе XII век стал временем рождения городов-коммун, освобождавшихся из-под власти феодалов и получавших в той или иной форме самоуправление. В X—XI вв. в городах Италии, Англии и Франции появились купеческие *гильдии*, ремесленные *цеха*, корпорации юристов, ученых и даже *братства хромых и слепых* со своим судом и другими правами и привилегиями, закрепленными в *уставах и хартиях*. Ни один древнерусский город (за исключением Новгорода) не находился вне государственной-княжеской юрисдикции и не добился самоуправления. Напротив, города становились коллективным феодальным замком (на Западе феодальный замок был, как правило, вне городских стен) местного боярства или непосредственно создавались княжеской властью и находились под ее управлением, включая сюда «государственный сектор» — княжеские городские владения, оружейные, гончарные мастерские, артели «городников» — строителей. Монастырские, боярские и княжеские дворы с обширным зависимым населением (на дворе князя Святослава Ольговича в Путивле находилось 700 человек челяди) препятствовали консолидации горожан по профессиональному признаку, поэтому на Руси так и не сложились развитые цеховые организации. В то же время борьба внутри боярско-купеческой верхушки хотя и приводила к частой смене князей, но также не способствовала складыванию городской автономии и соответствующих правовых традиций. Только с середины XII в. можно говорить о появлении некоторых элементов «городского строя». К ним можно отнести: *концы* или *сотни*, на которые делилось городское ополчение; уличанские общины, проводившие совместные празднества — *братчины*. С XII в. стали появляться и купеческие корпорации, как объединение новгородских торговцев воском («Иваньское сто»). Летописи сохранили скудные известия и об участии горожан в вечевых собраниях, хотя не всегда понятно, как оно было организовано и какие социальные силы стояли за скупым сообщением летописца: «Сдумавши ростовцы и суждальцы и володимерцы вси...» Во всяком случае можно утверждать, что в XII—XIII вв. вече могло приглашать князей и отказывать им в поддержке; князья же могли предъявлять свои условия, но и «целовали крест» (присягали) горожанам «на всей их воли».

Распад Древнерусского государства. Новый этап развития Руси начался в XII в., а точнее в 30-х годах этого столетия, когда относительно единая держава Рюриковичей сравнительно быстро и без особых конфликтов трансформировалась в систему отдельных земель и княжеств со своими княжескими династиями.

Причинами этого процесса (феодалной раздробленности) были не только наличие «натурального хозяйства» как основы существования изолированных друг от друга областей или стремление древнерусских князей той эпохи отделиться от Киева и вследствие этого — бесконечные усобицы. И то, и другое не объясняет сам процесс распада: ведь натуральное хозяйство велось и в X в., а в XII столетии уровень экономического развития и, соответственно, развития городов и торговли был, безусловно, выше, чем во времена князя Владимира; да и княжеские усобицы начались ранее (первая — после смерти князя Святослава между его сыновьями), но не приводили к подобным результатам.

Почему же центробежные тенденции развития оказались в XII в. сильнее? Ответить на этот вопрос было бы гораздо легче, если бы ученые располагали сколько-нибудь достоверной экономической статистикой о размерах производства, объеме торговли, динамике образования феодального землевладения, взаимоотношениях между городом и деревней и т.д. Но от XII в. до нас дошли только четыре *жалованные грамоты* на владение землями, в то время как археологические исследования выявили уже не один десяток возникших в XII в. феодальных усадеб. От всего XIII столетия, например, до нас дошло всего 26 подлинных актов — *жалованных, договорных, судных грамот*. Поэтому ответы неизбежно будут приблизительными, но, тем не менее, они опираются на выявленные факты и тенденции развития древнерусского общества.

Распространение вотчин и усадеб неизбежно приводило к складыванию слоя землевладельцев, связанных уже не только с конкретным князем, но и местными интересами. Применительно к XII в. источники фиксируют появление такого слоя: сообщают о боярах киевских, черниговских, полоцких как влиятельных местных корпорациях. Такие бояре могли не только помочь «своему» князю в борьбе с другим претендентом, но и выступить против неудобного князя; достаточно вспомнить, как был отравлен на пиру у киевского боярина в 1157 г. Юрий Долгорукий. Формирование корпораций местных землевладельцев, заинтересованных в развитии «своего» княжества, неизбежно должно было вступить в противоречие с интересами Киева: местному боярству нужен был князь, способный обеспечивать и оберегать их интересы. Так потомки сына Владимира Мономаха Мстислава утвердились в Смоленске и на Волыни, Владимирская земля досталась сыновьям другого сына — Юрия Долгорукого, а в Чернигове осели Ольговичи — наследники соперника Мономаха Олега Святославича.

Появление новых экономических, политических и культурных центров подрывало могущество Киева. Окрестные землевладельцы и крестьяне были связаны прежде всего со своим городом: его рынком, мастерскими, храмами и монастырями. Купцы и ремесленники не меньше были заинтересованы в процветании своего города и развитии его торговых связей.

Таким образом, не натуральное хозяйство, а именно развитие сельского хозяйства и ремесла, формирование феодальных усадеб и новых городских центров способствовали установлению новых политических форм или моделей развития средневекового общества на Руси. И в этом смысле переход к раздробленности нельзя рассматривать как упадок — напротив,

это время расцвета средневекового общества, его экономики, политических форм и культуры, наглядно проявившегося в многообразии типов этого развития.

Не было окончательно утрачено и государственное единство: русские князья были связаны сложной системой договоров, где за терминами «отец», «брат старейший», «брат младший» стояли вассальные отношения. Главой данной системы признавали великого князя Киевского. В девяти княжествах власть закрепилась за отдельными ветвями династии Рюриковичей; в четырех (Киев, Новгород, Переяславль Русский, Псков) за княжеский стол боролись различные группировки. В усобицах — в 1060—1237 гг. произошло 130 малых войн — принимали участие немногочисленные силы (даже у самого сильного князя было не более 2—3 тыс. дружинников), к колоссальным разрушениям они не приводили.

Тем не менее на смену Киеву выдвигались новые политические центры со своими особенностями, о которых речь пойдет ниже.

Владими́ро-Сузда́льское княже́ство. Расположенное на северо-востоке Руси княжество представляло собой огромную, малозаселенную территорию волго-окского междуречья, куда в X—XI вв. устремлялся колонизационный поток. Расселялись первоначально небольшими сельскими общинами, включавшими в себя родоначальное большое поселение, расположенный рядом курганный могильник, а также городище-убежище или культовый центр. К концу XI в. на территории современного Московского региона появляются первые города (Волоколамск и, очевидно, Москва, известная под древнейшим названием Кучково). Основой процветания княжества стало *ополье* — плодородная безлесная территория, где возникли древнейшие города края — Ростов и Суздаль.

Владимир Мономах основал в 1108 г. будущую столицу — Владимир и Ярополч на Клязьме. Ростово-Суздальская земля досталась в удел одному из сыновей Владимира — Юрию. При *Юрии Долгоруком* (1125—1157) строилась не только Москва, но и Углич, Дубна, Переславль-Залесский, Юрьев (Польской), Коломна, Дмитров; позднее появились Городец, Звенигород, Микулин, Кострома, Устюг; в XIII в. владимирскими князьями были основаны Тверь, Галич (Мерьский) и Нижний Новгород. Эти княжеские центры в условиях быстрого заселения и освоения новых территорий интенсивно росли, и их население поддерживало князей в конфликтах с боярством и претендентами на престол из других княжеских домов.

Опорой владимирских князей стали известные по владимирской летописи XII в. *дворяне* — низшие слуги княжеского двора, назначавшиеся за верную службу на административные должности, они получали от князя содержание. При этом владимирские дворяне являлись не *вассалами* князя (т.е. слугами, связанными с сюзереном определенными договорными отношениями), а *министериалами*-«милостниками», целиком зависевшими от княжеской воли и расположения.

Опираясь на городское население и дворян, владимирские князья могли в XII в. концентрировать в своих руках значительные силы и средства. До 10-х годов XIII в. княжество не дробилось на уделы, и потомки Юрия Долгорукого могли проводить активную внутреннюю и внешнюю

политику. *Андрей Боголюбский* (1157—1174) совершил удачные походы на Волжскую Булгарию, подчинил Рязанское княжество, вмешивался в дела Южной Руси и сажал на киевский престол «подручных» князей. С 1158 г. он осуществлял обширную строительную программу: были созданы такие шедевры древнерусской архитектуры, как княжеский Боголюбовский замок под Владимиром, Успенский собор во Владимире и церковь Покрова на Нерли.

Новая держава получила свои святыни — икону Владимирской Богоматери с повестью о ее «чудесах» и святого-покровителя, канонизированного епископа Леонтия Ростовского. Появились при князе Андрее и памятники владимирской литературы — «Сказание о Леонтии Ростовском», «Сказание о победе над волжскими болгары», «Сказание о чудесах владимирской иконы Богоматери». Есть предположение, что сам князь Андрей является автором «Слова о праздновании 1 августа» — дня победы над болгарями и нового праздника Владимирской земли. Князь даже пытался в 1168 г. основать во Владимире свою, независимую от Киева митрополию. В 1169 г. его войска взяли Киев, куда Андрей посадил своего брата Глеба, и придворный летописец оправдывал этот разгром наказанием непокорных «рукою благочестивой царскою правдивого благоверного князя Андрея».

Однако «самовластец» не рассчитал своих сил. Коалиция южнорусских князей не дала ему утвердиться в Киеве, его войска потерпели поражение под стенами Новгорода в 1170 г., а сам он пал жертвой заговора приближенных в 1174 г. Однако престиж и военно-экономический потенциал княжества несколько не уменьшился, и владимирский престол перешел к братьям Андрея — Михаилу и Всеволоду. В конце XII в. автор «Слова о полку Игореве» называл младшего брата Боголюбского *Всеволода III Большое Гнездо* (1177—1212) самым сильным и авторитетным среди русских князей: в сфере его влияния оставались Рязань и Новгород, на юге ему принадлежало Переяславское княжество, с просьбой быть арбитром в спорах к нему обращались и киевский князь Рюрик Ростиславич, и Роман Мстиславич Галицкий.

Таким образом, особенностями развития Владимиро-Суздальского княжества можно считать сильную центральную власть князя, опиравшегося на города и дворян. Однако не стоит отождествлять государственное устройство той эпохи с властью московских царей XVI—XVII вв. Ведь наряду с князьями-«самовластцами» в XII—XIII вв. действовали и другие органы управления, о которых нам известно намного меньше: вечевые собрания во Владимире, Переяславле-Залесском, Ростове. Мы плохо знаем, как именно они действовали, их состав, но даже скудные сообщения летописи свидетельствуют, что князья вынуждены были с ними считаться. Так, в 1157 г. Андрей Юрьевич, законный князь и наследник, не просто «садился» на престол своего отца, но проходил определенную процедуру утверждения: «сдумавши ростовцы и суждальцы и володимерцы вси, пояша Андрея... и посадиша и на отни столе». Всеволод III в борьбе с претендентами на княжение должен был считаться и с требованиями «люды вси»; а в 1211 г., решая важный для государства вопрос о престолонаследии, князь созвал «бояр своих с городов и с волостей, епископа Иоанна и игу-

мены, и паны, и купце, и дворяны, и вси люди...» При Всеволоде III Владимирская земля переживает период своего наивысшего расцвета и могущества. В дальнейшем и здесь центробежные силы оказались сильнее: дети Всеволода III основали свои уделы в Ростове, Переславле, Юрьеве, Угличе и других центрах. Ко времени татарского нашествия существовало уже семь отдельных княжеств, к концу столетия их стало 17.

«Господин Великий Новгород». Другую модель государственного и общественного устройства представляла Новгородская земля. В XIX в. декабристы противопоставляли новгородскую «вольность» московскому «деспотизму», и современные школьники порой судят о новгородской «демократии» по фильмам на фольклорно-сказочные сюжеты: народ на вече громким криком принимает решение о войне или мире, и простой мастеровой спихивает с «трибуны» знатного боярина...

О Новгороде нам известно больше, чем о других древнерусских землях. Север не затрагивался татарскими набегами — здесь лучше сохранялись летописи и документы; с 1932 г. в Новгороде постоянно проводятся археологические раскопки, в ходе которых совершено важнейшее открытие — найдены берестяные грамоты, число которых к настоящему времени превышает 1000. Исследования подтвердили, что Новгород — это действительно относительно «новый город»: он возник из поселков нескольких объединившихся племенных союзов (кривичей, словен, мери и чуди) в середине X в., а век спустя была построена первая общегородская крепость-детинец. Однако, говоря о Новгороде, следует иметь в виду не только город, но и обширное государство, никогда — в отличие от других земель и княжеств — не дробившееся на уделы.

В большинстве учебников приводится известная дата — 1136 г., когда новгородцы изгнали неугодного им князя и стали приглашать князей по своему выбору. Но это событие — только один этап на пути оформления особого социального и государственного устройства Новгорода. Его истоки уходят в глубокую древность, когда родоплеменная верхушка разноэтничных славянских и угро-финских племен возглавила эту «федерацию», впоследствии превратившись в новгородское боярство. В отличие от других земель, где боярином становился княжеский советник или дружинник, новгородским боярином можно было только родиться: лишь представители 40–50 родов (Онциферовичи, Мишиничи, Мирошкинич и др.) носили это звание. Археологические раскопки показали, что каждому из этих родов принадлежали по 8–10 усадеб (площадью 1500–2000 кв. м каждая), переходивших из поколения в поколение и на протяжении столетий не менявших своих границ. Такие клановые усадьбы уже в XI в. представляли собой мощные хозяйственные комплексы с двухэтажными боярскими хорами (с балконами, стеклянными окнами и цветными витражами) и многочисленными хозяйственными постройками с челядью, запасами, ремесленными мастерскими и зависимыми людьми разных категорий. Они составляли прочную городскую опору боярских родов, издавна являвшихся настоящими хозяевами в городе и на подвластных ему территориях. В X–XI вв. именно новгородские бояре (а не княжеская власть) осуществляли сбор налогов, и древнейшие известные берестяные

грамоты — это записи долгов горожан и «смердов», хранившиеся на боярских усадьбах.

В дальнейшем бояре превращаются в землевладельцев, и в XIV в. 90% новгородских владений становятся боярскими вотчинами. Вотчинное хозяйство (целые «погосты» в сотни километров с десятками деревень) и промыслы давали боярам возможность экспортировать ценные товары — воск, меха, мед, «рыбий зуб», рыбу; ведь Новгород до XVIII в. был для Руси «окном в Европу» и главным центром торговых связей с западными и северными странами. Обратным потоком шли западноевропейские товары (сукно, соль, янтарь) и полуфабрикаты (цветные металлы), поступавшие снова на боярские усадьбы в мастерские ремесленников, а оттуда, в виде товаров, расходившиеся по всей Руси. Неслучайно быллинный Садко — это историческая фигура, но не купца, а боярина Садко Сыгинича, на свои средства построившего церковь Бориса и Глеба. Церкви рядом со своими усадьбами строят и другие бояре: местные священники поддерживали влияние «своего» боярина на соседей по улице и кварталу. Раннее участие в управлении облегчило новгородским боярам подчинение свободных общинников и горожан и захват огромных территорий-вотчин, а обладание вотчинами и городскими хозяйственными комплексами-усадьбами обеспечило боярству контроль за экономикой и политическое господство. Наличие «боярских» ремесленников (по раскопкам известно 150 мастерских) объясняет отсутствие, несмотря на высокий технический уровень производства, профессиональных организаций — цехов.

Новгородское боярство не было единым. Отдельные кланы, опиравшиеся на свои центры и *концы* — городские районы, соперничали друг с другом. Вперемежку с боярскими усадьбами на новгородских улицах находились дворы землевладельцев-небояр («житых людей»), ремесленников, духовенства и прочих «черных людей». Все это население составляло уличанскую общину — «прусов» (Прусской улицы), «витковцев», «кузмодемьян» и собиралось на уличанское вече; свое вече было и у «конца» — района; обнаружены выгороженные и вымощенные для них участки на перекрестках улиц. Помимо включения в уличанские общины все небоярское население Новгорода для участия в ополчении и уплаты налогов разделялось на десять *сотен*; во главе этого устройства — *тысячи* — стоял выборный *тысяцкий*, представлявший интересы непривилегированных граждан. Сельское население — *смерды* — находилось в зависимости от землевладельцев-бояр и новгородских властей и обязано было платить дань, «корма» и «проторы» — пошлины администрации, строить крепости на рубежах.

Верховным законодательным органом власти было *новгородское вече*. Судя по размеру вечевой площади на Ярославовом дворце около Никольского собора, оно было относительно небольшим (1200—1500 кв. м), при этом там находились «степень» — трибуна для посадников и других руководителей государства и скамьи для прочих участников. Такая площадь не могла вместить более 300—500 человек, но о составе веча точных данных нет. Одни авторы полагают, что вече состояло исключительно из бояр — владельцев усадеб (их в городе как раз и насчитывалось 400—500), другие считают возможным и более широкий состав представительства через

систему кончанских и уличанских вечевых собраний, участниками которых могло быть все свободное население концов и улиц.

Главным представителем исполнительной власти в Новгороде был *посадник* из числа бояр. Однако и до, и после 1136 г. князья оказывали серьезное влияние на политику Новгорода через своих сторонников: в XII в. новгородцы часто меняли князей, но и князья выгоняли посадников, используя противоречия между боярскими кланами. Только к XIII в. республиканский строй оформился окончательно: взаимоотношения Новгорода с князьями были урегулированы в договорах, а посадник стал избираться на год из числа пяти пожизненных кончанских посадников. Тогда же новгородское боярство захватило в свои руки и должность *тысяцкого*, в ведении которого находились организация ополчения, сбор налогов, торговый суд. Ограничение срока посадничества должно было ослабить борьбу за власть среди боярских группировок, но и в дальнейшем трансформации этого высшего института власти не прекратились: с 1354 г. стали избираться шесть посадников, в начале XV в. их количество увеличилось до 18, а к концу своей самостоятельности Новгород обладал 36 посадниками, т.е. практически каждый боярский клан имел своего представителя в этой властной структуре. Поэтому новгородские бояре не рассредоточивались по своим вотчинам, а концентрировались в Новгороде — иначе они утратили бы возможность участвовать в борьбе за власть.

С середины XII в. в Новгороде избирали и главу церкви — архиепископа, затем направлявшегося на поставление к митрополиту. Новгородский архиепископ хранил государственную казну, утверждал сделки с земельной собственностью, во время конфликтов мирил враждовавшие стороны и нередко выступал в качестве дипломата в отношениях с другими княжествами.

У каждого из перечисленных должностных лиц был свой аппарат, каждый из них обладал, в рамках своих полномочий, судебной властью. Их судебные права определялись «Новгородской судной грамотой».

Отношения приглашаемых князей с Новгородом определялись разработанным формуляром договора (первый дошедший до нас относится к 1264 г.). Новгородцы нуждались в князе прежде всего как в политическом союзнике, обеспечивавшем независимость республики от покушений со стороны других князей и свободу торговых путей из Новгорода на «низ» — в южнорусские земли: ведь в случае политических конфликтов князья легко могли перекрыть подвоз хлеба. Поэтому на новгородском столе мог находиться и князь-ребенок или его представитель-наместник. В случае необходимости (но далеко не всегда) князь возглавлял объединенное войско новгородцев и своих дружинников. В основном же повседневной функцией князя в Новгороде был суд.

При заключении договора князь целовал крест «на всей воли новгородской», а гарантией его соблюдения был категорический запрет князю и его слугам приобретать в новгородских владениях земли. Таким образом князь в Новгороде ставился в положение высокооплачиваемого чиновника и мог быть в любое время смещен, поскольку не обладал материальными возможностями для сопротивления «новгородской воле».

Сложную систему разделения властей в Новгороде XII—XV вв. можно определить как боярскую республику. Однако и население города (на уровне улиц, сотен, концов) участвовало в деятельности местных органов самоуправления, а во время нередких восстаний (в 1207, 1418 гг.) оказывало давление на всю боярскую верхушку. Однако при всем обилии политических и социальных конфликтов в Новгороде они не приводили к принципиальным изменениям в политическом строе. Так, во время восстания 1207 г. против посадника Дмитра Мирошкинич из бояр Неревского конца погромили усадьбы его сторонников: «...и села их распродаша и челядь, а сокровища их изыскаша и поимаша бещисла, а избыток розделиша по зубу по 3 гривне, и от того многи разбогатеша»; и власть перешла в руки другой боярской группировки с Людина конца. В итоге боярство смогло полностью подчинить своей воле все политические институты Новгорода. Но это подорвало социальную базу новгородской самостоятельности, и социальная рознь ослабила республику к моменту решающего столкновения с Москвой в 70-е годы XV в.

Галицко-Волынское княжество. Эти земли занимали пограничное положение, и характерной чертой их истории стало постоянное вмешательство соседних государств — Польши, Венгрии — в усобицы, проходившие в Галиче и на Волыни. Причиной последних были напряженные отношения галицких князей с боярами и горожанами. Князя *Ярослава Осмомысла* (1152—1187), о котором с уважением отзывается автор «Слова о полку Игореве», в 1173 г. арестовали его же бояре, изгнали вместе с жителями Галича незаконного сына князя и сожгли его мать. На рубеже XII—XIII вв. *Роман Мстиславич* (1199—1205) сумел объединить под своей властью галицкие и волынские земли, но после его гибели на галицкий стол стали претендовать представители других линий — черниговские Ольговичи, владимирские Юрьевичи, киевский князь Рюрик Ростиславич; вместе с ними за богатые галицкие земли сражались венгерский король Андрей и польский князь Лешко. Приглашенные в Галич дети новгород-северского князя Игоря Святославича начали настоящую войну с боярством, в итоге были захвачены в плен и повешены. В ходе этой смуты в Галиче вокняжился (единственный случай на Руси!) боярин Владислав, а венгерские войска в 1206—1214 гг. шесть раз вторгались в галицкие земли.

Молодого *Даниила Романовича Галицкого* (1221—1263) бояре не раз вынуждали покидать княжество. Только к концу 30-х годов XIII в. Даниил смог окончательно утвердиться на княжении и даже временно подчинить Киев. После разгрома соперника, черниговского князя Ростислава Михайловича, и венгерских войск в 1245 г. наступила наконец некоторая стабилизация внутривполитической жизни: в середине XIII в. Даниил стал одним из самых сильных русских князей. Он заключил союз с Венгрией и даже — в расчете на помощь против татар — в 1253 г. принял от римского папы королевский титул. В 1254 г. он предпринял успешный поход в литовские земли и «Черную Русь» (часть современной Белоруссии), после чего заключил мир и союз с литовским князем Миндовгом, зятем которого стал сын Даниила Шварн. Другого сына Даниил женил на австрийской принцессе и пытался посадить его на трон австрийского герцога. Однако в 1259 г. под

угрозой татарского похода Даниил вынужден был скрыть все свои укрепления и признать себя данником Золотой Орды.

После смерти Даниила его дети на короткое время объединили в своих руках Галицко-Волынскую землю и Литву, но это объединение оказалось непрочным. Правда, *Лев Данилович* (1264—1301) сумел присоединить к своей державе Закарпатье и претендовал на польский трон. Но при его преемниках положение княжества в окружении Орды и крепнувших соседей — Литвы и Польши — стало ухудшаться. Правнуки Даниила Лев и Андрей Юрьевичи одновременно умерли или погибли в 1323 г. (возможно, в результате происков Орды), и в середине XIV в. галицко-волынские земли потеряли самостоятельность; они были захвачены Польшей и Великим княжеством Литовским.

Монгольское нашествие на Русские земли. Динамично развивавшиеся земли и княжества Руси не только испытали страшный военный удар, но главное — попали в качественно новые условия, серьезно повлиявшие на все стороны жизни древнерусского общества. Не удивительно, что эта страница истории Руси привлекала к себе и ученых, и художников, и мыслителей. Не единожды, в том числе и в последнее время, делались попытки пересмотреть историю взаимоотношений Орды и Руси вплоть до полного отрицания самого факта татарского нашествия.

Как же получилось, что кочевники из далекой Центральной Азии могли разгромить развитые и во много раз превосходившие их по военно-экономическому потенциалу страны? На просторах Великой степи не раз появлялись могучие объединения кочевников, которые становились грозой для соседей: Тюркский каганат в VI в., печенежская орда в X—XI вв. и др. Но через одно-два поколения такие союзы распадались, терпели поражения от более развитых соседей и исчезали со страниц истории. Так и на этот раз на рубеже XII—XIII вв. произошло объединение ряда монгольских племен (меркитов, керейтов, найманов и др.) под руководством талантливого и умелого вождя Темучина, принявшего в 1206 г. титул Чингисхана. Новый правитель пресек бесконечные усобицы вождей-нойонов, а рядовых кочевников обложил тяжелыми податями и повинностями и запретил самовольные откочевки. Чтобы дать и знати, и народу шанс на обогащение и почетную службу, Чингисхан повел массу боеспособного народа сначала в богатый Китай, а затем на мусульманские страны.

В ходе затяжных войн с соседями сложилась централизованная и милитаризованная империя. Держава Чингисхана имела четкое военно-административное деление, государственный аппарат из китайских и уйгурских чиновников, почтовую связь, регулярное налогообложение; свод законов («Яса») уравнивал в правах верующих всех религий. Основой империи стала армия. Поголовная воинская повинность, четкая структура (тумены — «тьмы», тысячи и сотни) и жесткая дисциплина отличали это войско. Каждый воин в любое время должен быть готов к походу со всем необходимым снаряжением, «вплоть до шильев, игл, веревок, ездового и вьючного скота, ослов и верблюдов». Квартирмейстеры-*юртдж* определяли пути передвижения, места стоянок, запасы воды и фуража на театре военных действий.

Сведения о будущих объектах агрессии собирали купцы, руководители караванов и специальные посольства. Штаб планировал и руководил военными кампаниями; высшие монгольские командиры никогда не ходили в бой — они руководили войсками при помощи сигналов флагами, трубой или дымом. Монгольское войско могло быстро обеспечить форсирование большой реки и оперативно на месте изготовить и применить осадные орудия; при этом отдельные роды войск — тяжеловооруженная гвардия — «кэшик» или инженерные части — согласованно решали основные задачи. И вся эта армия могла передвигаться с огромной скоростью — до 80 км в сутки. Такая организация давала монгольскому войску несомненное преимущество при столкновении с наскоро собранными ополченцами или феодальными дружинами как в Азии, так и в Европе.

В результате трех этапов завоевательных походов (10–20-х, 30–40-х и 50–70-х годов XIII в.) Чингисхану и его преемникам удалось создать колоссальную империю, включавшую Китай, Корею, Среднюю Азию, Иран, Ирак, Афганистан, Закавказье, Сирию и степи Восточной Европы и Казахстана. На юго-восточном направлении монгольские армии высаживались в Индонезии и на Японских островах; на Ближнем Востоке они дошли до Египта, а в Европе — до границ Австрии.

В 1235 г. курултай (съезд монгольской знати) решил вопрос о Великом западном походе, куда отправилась примерно половина всех имперских сил — по современным подсчетам, примерно 70 тыс. человек. К тому времени эту армию можно было лишь условно называть «татаро-монгольской» — этот термин появился в научной литературе в XIX в. «Татарами» («танань», «дада») своих степных соседей называли китайцы, а затем арабы и персы; сами же монголы называли себя «моалами», но к середине XIII в. в державе потомков Чингисхана монгольскими оставались командный состав и гвардия, а остальные войска являлись типичной имперской армией, где рядом сражались представители всех покоренных стран — китайцы, аланы, персы и многочисленные тюркские народы. После планомерного покорения Волжской Булгарии, мордвы и половцев это войско в декабре 1237 г. подошло к границам Руси.

Зимой 1237/1238 гг. татары взяли Рязань, Владимир на Клязьме, затем массы конных войск стремительно шли по руслам замерзших рек — на Углич, Кострому и Тверь; быстро собирались в нужном месте для нанесения главного удара и в считанные дни брали сильно укрепленные города с помощью осадной техники. Такая тактика не дала великому князю времени для сбора сил и позволила татарам по отдельности громить спешно собранные полки и осаждать города Северо-Восточной Руси. После небольшой передышки в степи, окончательного разгрома половцев и захвата Крыма армия Бату-хана в 1239/1240 гг. прошла по Южной и Юго-Западной Руси, после чего через Польшу, Чехию и Венгрию отправилась на завоевание Европы. Несмотря на желание Бату утвердиться в Венгрии, завоеватели не могли удержать занятые ими земли: сказались и потери, и непривычная горная местность, и явный недостаток сил. В 1242 г. хан привел свое войско из Хорватии в приволжские степи, где и был основан

новый улус империи Чингизидов — *Золотая Орда*. Такое название утвердилось в нашем языке только в XVI в., а происходит оно от *урду* (ставка хана) — роскошная юрта, вмещавшая 500 человек.

В подчинение к Орде попали Древнерусские земли и Дунайская Булгария. Вряд ли могло быть иначе. Хотя великий князь Владимирский Юрий Всеволодич был извещен о приближающейся войне и даже предупреждал об опасности венгерского короля, сделать он ничего не смог: за несколько месяцев отправить в другие княжества посольства, договориться о совместных действиях и собрать массовую обученную армию с единым командованием было нереально. Накануне вторжения в 1235 г. князя Южной Руси затеяли очередную усобицу, и Киев несколько раз переходил из рук в руки. К тому же русские князья не представляли себе, с каким противником им придется столкнуться — отражать привыкли короткие половецкие набеги, неопасные для укрепленных городов.

Русь, Орда и Запад. Золотая Орда эпохи ее расцвета (до конца XIV в.) представляла собой огромное государство, протянувшееся с запада на восток от Дуная до Алтая; на юге границей был Кавказ, на Севере — районы Центральной России (Курск, Тула и Калуга), где местное население управлялось татарской администрацией. Держава хана Бату сохранила четкое административное деление на четыре улуса (Хорезм, Сарай, Крым, Дешти-и-Кипчак) и 70 провинций во главе с «темниками». Экономической базой государства были около 100 процветавших городов (Азов, Старый Крым, Астрахань, Тюмень) во главе со столицей Сараем с 75-тысячным населением. Ордынцы гордились тем, что их города не имели стен — их оберегали многотысячная конница и бескрайние степи. В городах действовали водопровод и канализация, работали гигантские мастерские по изготовлению посуды и оружия, виллы ордынских вельмож были украшены мозаичными панно, имели бассейны и паровое отопление. Развитое ремесленное производство и торговля стимулировались единой и устойчивой денежной системой и обустроенными дорогами с караван-сараями через каждые 30 км. Власть хана опиралась не только на многочисленное войско, но и на централизованный государственный аппарат, где работали среднеазиатские чиновники и составлялись документы на уйгурском языке. Ближайшими помощниками хана были *беклярбек* (командующий армией и верховный судья) и *везир* (министр финансов и глава правительства — *дивана*).

Позиция русских князей в отношении Орды не отличалась единством. Даниил Галицкий и брат Александра Невского, великий князь Владимирский Андрей Ярославич, заключили в 1250—1251 гг. союз против Орды. Другую тактику выбрал Александр Невский. Его отец, великий князь Владимирский Ярослав Всеволодич был отравлен в Монголии при дворе великого хана в 1246 г., а сам Александр в 1248 г. проехал через всю империю (7 тыс. км) в ее столицу Каракорум, где получил ярлык на великое киевское княжение. Раздел власти между братьями оказался недолгим. В 1252 г. Александр обратился в Орду с жалобой на брата по поводу несправедливого получения великого княжения и невыплате хану «выхода и тамги». В результате последовал карательный поход («Неврюева рать»), войска Андрея были разбиты, и великим князем Владимирским стал *Александр Невский* (1252—1263).